
ПИСЬМА къ ЛИДѢ

О

ЛЮБВИ ДУШЪ БЛАГОРОД- НЫХЪ.

XXXV.

*Любовникъ знакомитъ свою милую
съ возвышенными душами ми-
нувшего вѣка.*

Я никогда не могу предсавишь
себѣ образъ внутренняго совер-
шенства, не мысля о тебѣ, Лида! —
Мнѣ очень желательна ознакомишь
тебя съ возвышенными душами
нашего минувшаго вѣка : онѣ по-
добны душѣ твоей ; изъ нихъ
Елисавета Рове въ особенностии
много на тебя была похожа. —
Препровождаю тебѣ описаніе ея
жизни и опличительныхъ свойствъ

ея духа. Тебѣ конечно не непріятно будешь это знакомство.

Елисавета Рове была дочь фон-Вальшера, искуснаго пѣвца, но родомъ дворянина, произшедшаго отъ честнаго и добраго семейства; она родилась въ послѣдней половинѣ семнадцатаго столѣтія, то есть въ 1674 году 11 Сентября, въ Ильчешерѣ, городѣ Графства Соммерсетскаго. Отецъ ея былъ человекъ почтеннѣйшій; проницательность ума, благородная простота сердца, совершенная преданность воли Божіей, равноспросность его правилъ, точность въ отправленіи должностей и вмѣстѣ привѣтливостъ и благодѣянiя, оказываемыя всякому бѣдному пріобрѣли ему уваженіе отъ всѣхъ и любовь у вельможей. Легко предскажишь, могли ли такой отецъ не дать лучшаго воспитанiя своей дочери и не образовашь ея сердца по своему соб-

спивенному?—Она рано научилась (якб сама говоришб вб одномб изб своихб сочиненій) познавати Бога опцевб своихб, благоговѣшб предб Нимб, и воздѣвашб кб Нему еще младенческія руки. Рано узнала также лучшихб писателей изб чшенія; а когда отецб дозволиб ей заниматься науками и искусствами, по собственному ея выбору и наклонностямб, то скоро обнаружился вб ней великой дарб кб Поэзіи и живописи. Она также любила и музыку, особливо прогашельную и величественную, находя вб ней совершенную соотвѣпспвенность сб великими и возвышенными чувспвами. Но любимая вб ней спрасб была кб Поэзіи, вб кошорой она оказала блиспательнѣйшіе успѣхи. На дващцать вшоромб году, по убѣжденію друзей своихб, она издала свои стихосворенія, приняшыя со всеобщею похвалою. Это рѣдкое

въ двѣицѣ достоинство. Ея прелесть и любезность скоро привлекли къ ней обожателей, которые искали руки ея. Болѣе всѣхъ любилъ ее славный Пріоръ, извѣстный своими сочиненіями. Но такое щастіе опредѣлено было Томасу Рове, старшему сыну Зенону Рове. Онъ былъ человѣкъ ученый, и при обширныхъ свѣденіяхъ имѣлъ даръ краснорѣчія. Ученость и нравственные качества доставили ему это щастіе. Онъ любилъ достойную жену со всею нѣжностью, и супружество не охладило въ немъ страсти и почтительности любовника для равнодушія и самовласія мужа. —
 «О! дай Богъ! говорилъ онъ, обращаясь къ ней въ одномъ стихотвореніи, которое писалъ онъ послѣ своей женидѣбы— о! дай Богъ!
 «чтобы произведенія ума твоего
 «и правила жизни содѣлали щастливыми дѣшей нашихъ! О! дай

» Богъ! чшобы скинія духа швоего
 » долго, долго не разрушилась,
 » и уже поздно вспуила бы ты въ
 » спраны горняго свѣша! О! дай
 » Богъ! чшобы ты по долговремен-
 » ной жизни, увѣнчалась безсмер-
 » шіемъ! Такъ, Небо конечно услы-
 » шитъ мольбы мои. Время бышія
 » моего скоро должно кончиться,—
 » и послѣдній часъ мой упредишь
 » тебя! Тогда ты будешь подлѣ
 » меня, будешь поддерживаешь
 » изнемогающій сославъ мой, во-
 » оружаешь прошивъ ужасовъ уми-
 » рающей природы, питаешь надеж-
 » дою лучшаго щастія и вдыхаешь
 » въ меня живѣйшее предчувствіе
 » вѣчности! Меркнушіе взоры мои
 » будутъ устремляться на тебя; я
 » буду прижимаешь тебя къ мерш-
 » вѣющей груди моей, и такимъ
 » образомъ засну для вѣчнаго покоя.
 » Смерть не будетъ для меня ужас-
 » на; мрачный видъ ея ослабитсѣ
 » —и все, все будетъ улыбаешься.

«въ глазахъ моихъ; ибо зрѣшь бу-
ду тебя и небо.»

Желаніе Рове , къ великой го-
ресши его супруги , очень скоро
исполнилось : непомѣрное прилѣ-
жаніе къ наукамъ такъ распро-
ило слабое его здоровье, что онъ
впалъ въ чахотку , и въ цвѣту-
щей молодости, на дваццать вось-
момъ году отъ роду , умеръ. Съ
женою жилъ только пять лѣтъ.
Елисавета Рове долго не могла
ушѣшишься о сей потерѣ; она съ
чувствительностію сердца воспо-
минала всегда о его любви и до-
бродѣтеляхъ , и до послѣдней
минушы имѣла уваженіе и при-
верженность къ родству его. Вско-
рѣ , по кончинѣ своего мужа, она
оставила Лондонъ; поселилась въ
Фромъ , городъ Графства Сом-
мерсетскаго , и тамъ вела жизнь
уединенную. Иногда, по просьбамъ
своихъ пріятельницъ , она прѣж-
жала въ Лондонъ,—и то за тѣмъ

единственно , чшобы ушѣшишь
 ихъ въ печалѣхъ жизни; но обык-
 новенно скоро возвращалась опяшь
 въ свое уединеніе. Тамъ провождала
 дни свои шо въ дѣлахъ сердеч-
 наго благочеспія, шо въ поправкѣ
 своихъ сочиненій, кошорыя много
 дѣлали ей чеспи; но лучшее было
 для нее ушѣшеніе — помогашъ
 бѣднымъ. — Охлаждѣвъ къ міру и
 не желая болѣе ему нравишъся ,
 она устремила мысли свои къ вѣч-
 носпи и занималась единственно
 приготовленіемъ себя къ оной. Ра-
 но послѣдовала она въ другой міръ
 — и въ шакое время , когда на-
 меньшая опасность предспояла
 ея здоровью. Не бывъ никогда боль-
 на, она занемогла; но вскорѣ, по-
 видимому, совершенно оправилась.
 Не прошло нѣсколькихъ дней по-
 слѣ ея выздоровленія, какъ съ нею
 сдѣлался ночью ударъ , кошорый
 прекрашилъ и жизнь ея. Такъ ду-
 мали Медики, и шаково было соб-

ешвенное ея желаніе. Подлѣ спу-
 ла, съ копораго она упала, нашли
 Библию и разбросанныя на полу
 бумаги, на коихъ ея рукою были
 написаны крапкія молишвы; въ
 числѣ оныхъ находилась слѣдую-
 щая: «Боже! исправи мою душу!
 »сохрани ее отъ грѣховъ! повѣ-
 »дай мнѣ Свою волю! повѣдай
 »оную во опкровеніи душѣ моей;
 »она внемлетъ Твоему гласу! Ис-
 »полни ее любви, дай возчувство-
 »вать ей Твое Божественное утѣ-
 »шеніе. Повѣдай, небесный Духъ,
 »душѣ моей; даруй ей вкусишь
 »любовь Твою и радости неба!»
 Нашли еще нѣсколько спрокъ, но
 ихъ нельзя было разобрать, вѣ-
 роятно пошому, что ея рука дро-
 жала въ мину предъ приближеніемъ смер-
 ти. Сверхъ сего найдено чешыре
 письма, которыя надлежало до-
 ставить друзьямъ ея послѣ ея кон-
 чины. Онѣ исполнены были про-
 гашельной нѣжностію и дышали

чувспвами истинной Христіанки.
 Боясь , чшобы изнурительная бо-
 лѣзнь не поколебала ея пвердаго
 благочестія и не поселила въ ней
 малодушія или унынія, она жела-
 ла скорѣйшаго конца — и ея мо-
 литва услышана.— Генрихъ Гро-
 ве, лучшій другъ покойницы, пи-
 салъ о смерти ея къ своему другу
 слѣдующее: « Потеря досшойнѣй-
 » шей изъ женщинъ хопя для всѣхъ
 » чувспвишельна и возбуждаешъ
 » всеобщую печаль; однако кончи-
 » на ея была для нее началомъ ис-
 » тиннаго щаспія. Въ самомъ дѣ-
 » лѣ: въ эпу минушу—жишь, а въ
 » слѣдующую — или въ нѣсколько
 » мгновеній—перешашь жишь, —
 » видѣшь себя не шолько внѣ ужа-
 » совъ смерти, но и внѣ ея влады-
 » чества,—еще болѣе: видѣшь себя
 » въ обипели вѣчнаго блаженства;
 » въ эпу минушу предаваться Бо-
 » томыслію, или перяшься въ сла-
 » достномъ гаданіи о всесовершен-

»спвѣ Божіемъ, а въ слѣдующую
 »быть въ его присутствіи, созер-
 »ца Его величіе и престола, и
 »пріяшь бытіе, коего радости
 »неизрѣченны — есть такой пере-
 »ходъ, котораго лучше и достой-
 »нѣе мы желать не можемъ. Та-
 »ково было преселеніе Елисаветы
 »Рове изъ сей жизни въ спрану
 »вѣчности!! О! если бы и наша
 »кончина, друзей ея, была по-
 »добна ея кончинѣ! »

Въ числѣ великихъ свойствъ ея
 и добродѣтелей должно первое
 мѣсто занявъ ея пламенное бла-
 гочестіе; оно сіяетъ во всѣхъ ея
 сочиненіяхъ, и составляло честь
 и щастіе ея жизни. Она имѣла
 благоговѣйное почтеніе къ Библии
 и съ неутомимостію ее читала.
 Между тѣмъ на книги Новаго
 Завета, на псалмы и нѣкоторыя
 пророчества о Искупителѣ міра
 писала собственныя разсужденія.
 Три раза въ день тайно молилась,

а Субботу особливо посвящала пригошовленію кѣ Божеспвенной Липургіи слѣдующаго дня, копо-раго сѣ торжеспвеннымѣ благоговѣніемѣ сердца ожидала. Но при всѣхѣ чувспвахѣ пламенной ея Вѣры, она не полагала вѣ томѣ — сколько увидимѣ ниже изѣ словѣ ея — ни сущеспвенности благочеспія ни великой онаго важности, и слиш-комѣ далека была ошѣ того, чшобы восторги набожности щипашѣ преданностию и любвию кѣ Богу.

« Я долго — пишешѣ она кѣ одной искренней своей пріятель-ницѣ — « погружалась вѣ благого-« вѣйныя размышленія о самой се-« бѣ. Пламенная набожность ис-« пребляешѣ вѣ челоѣкѣ только « нѣкоторыя спраспи; а кропкая, « челоѣколюбивая и сущеспвенная « Вѣра, по моему мнѣнію, опчасу « возвышаешѣ нашу душу.» Подѣ сущеспвенною Вѣрою разумѣешѣ она дѣла любви Хриспіянской :

эшо видно изъ письма ея къ той
 же пріятельницѣ; въ немъ гово-
 рить она: «Я не помню, чшобы
 » когда занималась работою въ
 » дни праздничные, — не помню,
 » чшобы съ намѣреніемъ кого оби-
 » дѣла. Вѣра, сопровождаемая дѣ-
 » лами добродѣтели, для меня свя-
 » шѣе, нежели всѣ набожныя из-
 » сшупленія, и мнѣ кажется, она
 » гораздо необходимѣе для благо-
 » получной смерти, чѣмъ оныя.»
 Чѣмъ сущесшвеннѣе сіи правила,
 тѣмъ болѣе должно удивляться
 ей, пошому что и то и другое
 вмѣщало въ себѣ ея благочесшіе.
 Какія добродѣтели, какія чувсшва
 и дѣла не должны были произше-
 кашь изъ споль чистаго испоч-
 ника? Въ немъ только можно об-
 рѣсшисш истинное спокойсшвіе серд-
 ца и совершенное владычесшво
 надъ спрасшями; въ немъ — яс-
 носш и блаженсшво духа!

Она выполняла обязанности свои

кв другимъ со всею почностію и усердіемъ. Почтеніе и любовь кв достойному опцу были для нее догломъ священнѣйшимъ. Часто говаривала она: «я скорѣе умру, нежели нанесу ему огорченіе.» Ничто въ жизни такъ сильно ее не огорчало, какъ потеря родителѣ; съ нею дѣлались обмороки и безпамятство, чего никогда прежде не было.

Въ печеніи щасливаго супружества она оказывала всю нѣжность и почтеніе кв Гну. Рове. Принаравливаясь кв нему во всемъ и угождая его вкусу, даже на щепъ своего собственнаго, она умѣла вкрасься въ его довѣренность; добродѣтельные свойства ея и любезность нрава пріобрѣли такую власъ надъ его сердцемъ, что она могла умѣрять его страсти и облагородствовать его удовольствія. Духъ ея стремился ко всему высокому и благородно-

му, не впадая впрочемъ ни въ какія странности. Она спрого наблюдала во всемъ приличіе и скромность; не искала преимуществъ, несовмѣстныхъ съ Христіанскою кротостію. Мужъ ея отъ природы былъ вспыльчивъ, и въ жару гнѣва не всегда могъ управляться собою; но она ласкою и нѣжностію умѣла его успокоивать.

Не оказывая надъ нимъ поверхностности, она старалась прилѣпить его къ чувствамъ Вѣры и добродѣтели, — къ чувствамъ, коимъ предано было ея сердце. — Во время его болѣзни, упорной и продолжительной, она оказывала ему всю нѣжность и попечительность; не отходила отъ его постели; просиживала подлѣ него цѣлыя ночи, — и если на минушку его оставляла, такъ и это для его же облегченія или угодности. Пошеря супруга почти столь же была для нее огорчительна, какъ и поше-

ря опца. Изв уваженія кѣ нему
она рѣшилась на всегда оспать-
ся во вдовствѣ, и никогда не рас-
каивалась въ своей рѣшимости.
Вотъ собственныя слова ея, ко-
торыя она писала кѣ Гжѣ. Мар-
ровѣ передъ концемъ своей жизни.
(Это письмо доставлено было по-
слѣ ея смерти). «Касательно па-
» мяти моего покойнаго супруга,
» я выполнила все, чего требова-
» ла обязанность жены нѣжной.
» Съ покойствіемъ души и удо-
» вольствіемъ сердца оглядываюсь
» теперь на преходящую жизнь мою
» — не только потому, что я удо-
» влещивала всѣмъ требованіямъ
» справедливой благодарности, но
» и потому, что желала оспа-
» вишь по себѣ доброе и честное
» имя. Впрочемъ увѣряю васъ ду-
» шею, которая теперь распаеш-
» ся съ шѣломъ, что я столько же
» равнодушна кѣ похвалямъ, сколь-
» ко и порицанію людскому: дань

Пис. Л. Д.

Г.

» священному имени добродѣтели
» должна быть безкорысна.

Ея обхожденіе въ обществѣ было самое пріятное и любезное. Наружность ея, при всей неpravильности, плѣняла; свѣжестъ здоровья на лицѣ ея, пламень въ глазахъ, нѣжность, пріятность и стройность голоса, тихая привѣпливость, обнаружившаяся во всѣхъ чертахъ ея, привлекала къ ней всѣхъ любовь и почтеніе. Знакомство ея съ Вельможами доставляло ей всѣ выгоды пристойной жизни; въ разсужденіи развязности, она, несмотря на свое уединеніе, имѣла ловкость придворной. Она не терпѣла пышности и не любила излишества въ нарядѣхъ; однакожъ не пренебрѣгала и опрятности. Впрочемъ не плашью она нравилась тѣмъ, кои ее знали; а оспрошюу ума, которая никогда ей не измѣняла. Она говорила очень пріятно, легко и краснорѣчиво.

Разговаривають съ нею — и не сдѣлались уми́ѣе и добродѣтели́ѣе, казалось необходимымъ прошиво-рѣчіемъ. Въ бесѣдѣ она ни мало не старалась блеснѣть умомъ своимъ; не искала первенства и ни отъ кого не требовала бытъ ея мнѣнія. Сколько ни покушались вовлечь ее въ оковы суешности, все было тщетно: ибо твердосць, благоразуміе и скромносць никогда ее не оставляли. Имѣя сполько достоинствъ, сполько справедливыхъ преимущесствъ надъ другими, она ни мало не давала имъ чувствовашь, и была шѣмъ скромнѣе, шѣмъ снисходительнѣе, чѣмъ люди, бесѣдовавшіе съ нею, были ограниченнѣе въ способносцяхъ.

Владычествуя надъ спрасцями, она наслаждалась спокойствіемъ духа, — спокойствіемъ, которое обнаруживалось даже на лицѣ ея. Нѣкоторые изъ ея друзей увѣряли, что никогда не видали ее сер-

дишою. Досады и непріятности , сполько вѣ жизни неизбѣжныя , шакѣ мало дѣйствовавали надѣ ея крошкимѣ сердцемѣ , чшо она, по обыкновенію , шушила вѣ шакомѣ случаѣ.

Она не шерпѣла ни ссоры , ни насмѣшекѣ ; была незлюбива вѣ своемѣ сердцѣ и никого не осуждала. Хвалишь — соспавляло одно изѣ лучшихѣ ея удовольствій ; почему она всегда старалась воспользоваться случаемѣ выспавляшь хорошую спорону друзей своихѣ , а слабую прикрываешь дружескимѣ снисхожденіемѣ. Однакожѣ , на еди-нѣ , свѣ нѣжною кропоспію укоряла ихѣ вѣ слабостяхѣ , не перемѣняя впрочемѣ ни разположенія кѣ нимѣ , ни дружбы ; но болѣе всего старалась прилѣпить ихѣ кѣ добродѣтели и всякимѣ благороднымѣ чувствованіямѣ.

Она любила тишину и уединеніе , но никогда не одобряла друж-

ямъ уединенной жизни. Не за-
долго предъ смертію она писала
къ одной изъ нихъ: «Вы оскорб-
ляете родъ человѣческій, желая
вести жизнь покойную и празд-
ную. Примѣры великодушія и
справедливости такъ рѣдки въ
мірѣ, что человѣку добродѣтель-
ному неизвинительно заключить
себя въ уединеніе.» Въ другомъ
письмѣ говоритъ она: «моя вѣра
не чуждается людей; напрошивъ
она человѣколюбива и друже-
любна.

Въ болѣзняхъ слугъ сама имъ
услуживала; читала и полковала
имъ Священное Писаніе, и была
для нихъ добродушною, крошкою
и привѣпливою госпожею. Пеклась
о бѣдныхъ и оказывала имъ вся-
кое человѣколюбіе, пособіе и ми-
лосши. Половину годовыхъ своихъ
доходовъ она употребляла на дѣ-
ла милосердія, въ чемъ дала Бо-
гу обѣщъ, какъ видно изъ днев-

ныхъ ея записокъ: « не въ день
 » скорби и унынія, но въ радости
 » и благодареніи сердца къ Богу. »
 Часто отпказывала себѣ въ необ-
 ходимомъ, чшобы утѣшитъ пла-
 чущаго. « Мнѣ жаль только тѣхъ
 » денегъ, говаривала она, ко-
 » шоря я на себя трачу; я ду-
 » маю въ себѣ, сколько бѣдныхъ
 » могла бы я тѣмъ обрадовать! » —
 Сверхъ щедрыхъ подаяній и по-
 лезныхъ сочиненій, ею издавае-
 мыхъ, она работала собственны-
 ми руками для одѣянія бѣдныхъ.
 Посѣщала больныхъ въ полуразва-
 лившихся хижинахъ. Въ особен-
 ности издерживала много на вос-
 пишаніе сиротъ. Ея благодѣянія
 не рѣдко упадали на землю небла-
 годарную; но это ни мало не
 охлаждало въ ней горячей любви
 къ Христіанскимъ добродѣтелямъ.
 Въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ
 она говорила одной изъ лучшихъ
 пріяшельницъ: « я не могла бы шакъ

« дешево покупать своих удо-
 « вольствъ, есѣлибѣ не было
 « бѣдныхъ. » Ея щедрость прости-
 ралась не только на обременен-
 ныхъ бѣдностію, но и на тѣхъ,
 кои не были еще въ крайности;
 — она обыкновенно говаривала:
 « предупреждать нужду и не допу-
 « скавъ до тяжкой бѣдности есѣ
 « величайшее благодѣяніе, какое че-
 « ловѣкъ можетъ сдѣлать человѣку. »

При такихъ великихъ и бли-
 спательныхъ добродѣтеляхъ, она
 ни мало не думала о похвалѣ люд-
 ской. Она даже завѣщала въ ду-
 ховной, « чѣобы проповѣдникъ не
 « упоминалъ объ ней ничего въ
 « надгробномъ словѣ »

« Я бы желала, » говорила она,
 « чѣобы меня положили въ одной
 « могилѣ съ опцомъ моимъ; не
 « сшавили бы камня и не дѣлали
 « надписи надъ моимъ прахомъ;
 « съ радостію сердца предаю се-
 « бя землѣ и пѣнію до тѣхъ поръ,

« пока пробужусь я для безсмертія.

Словомъ — вся жизнь ея была непрерывнымъ наспавленіемъ въ дѣлахъ Христіанской ревности и живымъ примѣромъ для дѣвицъ и замужнихъ. Знаю, что сіи рѣдкія и великія качествва Елисаветы Рове пронупѣ моихъ Чистельницъ и заставяпѣ ихъ признапѣ ея красою своего пола ; но всякая ли изъ нихъ посшавипѣ ея себѣ за образецъ и предпримепѣ послѣдоватѣ ея примѣру, сообразно своимъ силамъ, способностямъ, обстоятельствамъ и нѣкоторымъ особеннымъ отношеніямъ ? . . .

Въ слѣдующемъ письмѣ , Лида , я напишу тебѣ о ея сочиненіяхъ и досшавлю нѣкоторыя письма ; онѣ не только покажутъ тебѣ ея дарованія , но и послужатъ подтвержденіемъ тѣхъ замѣчаній , копорыя я предспавилъ тебѣ касательно ея сердца. Просши ! и будь моею , Лида.

XXXVI.

*О достоинствахъ и дарованіяхъ
Гжи Рове, какъ сочинительницы.*

Дальнѣйшее извѣстіе о Елиса-
вешѣ Рове конечно займешъ те-
бя, Лида! пріятнѣйшимъ обра-
зомъ. Я хочу сообщить тебѣ еще
нѣкоторыя черты изъ ея жизни.

Гжа Рове имѣла большое сход-
ство съ тобою — по чистотѣ ду-
ши и простотѣ нравовъ: о! не
она ли опять явилась на землѣ въ
образѣ Лиды? —

Предпринимала ли Елисавета
Рове сочинять что либо? — ея про-
изведенія въ вышшей степени
отличались пользою и доставля-
ли лучшее удовольствіе читате-
лямъ. И можно ли было инаго
ожидать отъ высокой души ея и
твердаго характера? Совершен-
но! — по той причинѣ, что естъ-
ли бы въ нихъ и не доставало
огня щастливаго Генія: по ка-

Лис. Лид.

К

нихъ красотъ не напечатлѣло бы въ нихъ ея сердце, — сердце, не знавшее иныхъ чувствованій, кромѣ благородныхъ и великихъ? — Однакожъ, при всемъ ономъ достоинствѣ ея сочиненій, она и отъ Природы имѣла рѣдкія преимущества духа, и съ величіемъ и высокоспію, мыслей соединяла смѣлость выраженій, разнообразіе щасливыхъ оборотовъ рѣчи, живость воображенія въ изобрѣтеніи разительныхъ картинъ и спрогую правильность въ слогѣ; словомъ — необыкновенныя дарованія ея сполько же привлекали удивленія, сколько правила христіанской ея жизни служили для всѣхъ примѣромъ. — Но справедливостъ пребуетъ сказаць, что она также, какъ и многіе Писатели ея опечесхва, иногда слишкомъ увлекалась живоспію воображенія и, по видимому, думала занимать насъ болѣе пре-

лесными карпинами, нежели
 прогашь наше сердце. Впрочемъ
 всѣ ея произведенія имѣють одну
 цѣль, именно: возбудишь истин-
 ную любовь къ благочестию и до-
 бродѣтели и поселишь ошвра-
 щеніе къ пороку. Ея сочиненія слѣ-
 дующія: « письма мертвыхъ къ
 « живымъ; нравственныя и увесе-
 « лительныя письма; исторія Іо-
 « сифа — поэма, не задолго до
 ея смерти двумя книгами умно-
 женная; « упражненія въ благо-
 « говѣніи » копорыя извѣстный,
 благочестивый Исаакъ Вапшсѣ
 издалъ съ описаніемъ ея жизни;
 и наконецъ « разныя сочиненія, »
 копорыя всѣ вскорѣ послѣ ея смер-
 ти явились въ печати. Всѣ онѣ
 были приняты со всеобщимъ одо-
 бреніемъ и имѣли такой расходъ,
 что въ скоромъ времени и не
 одинъ разъ пребовались новыя
 изданія. — Ни одно изъ нихъ не бы-
 ло одушевлено такими пламенны-

ми чувствованіями, какъ «упраж-
 » ненія въ благоговѣніи.» Слогъ
 сего сочиненія высокой и слиш-
 комъ стихотворческой. Онъ
 очень близокъ къ слогу псалмовъ
 и пророчесвъ. Я почелъ за нуж-
 ное перевести нѣчто изъ ея «пи-
 » семъ къ мертвымъ и изъ упраж-
 » неній въ благоговѣніи.» Знаю,
 что лучшіе подлинники бывають
 жалкою копіею въ переводахъ; но
 при всемъ томъ не лзя не замѣ-
 тить того изящества, коимъ от-
 личаются ея сочиненія. Почему
 предлагаю здѣсь одно изъ ея «пи-
 » семъ отъ мертвыхъ къ жи-
 » вымъ.» Оно взято изъ числа
 пѣхъ, кои, по ея завѣщанію, дол-
 жны быть доставлены къ друзь-
 ямъ ея послѣ ея смерти. И на-
 конецъ нѣкоторыя опривки изъ
 ея «упражнений въ благоговѣніи.»

Къ Климень.

«Сколько перешнее быше
 » мое отлично отъ прежняго, зем-

» наго ; сполько нѣжностъ моя къ
 » Клименѣ неизмѣнна : и сколь-
 » ко жизнь моя , своею дѣятель-
 » ностію , содѣлалась неизвѣс-
 » но прѣвыше жизни смертной ;
 » сполько духовное существо мое
 » возносися выше и выше въ
 » чувствованіяхъ доброжелатель-
 » ства и чловѣколюбія. Никогда
 » съ такою искренностію не бралъ
 » я участія въ твоемъ положеніи:
 » я хранилъ тебя и во время сна
 » ночнаго , и во уединенныхъ про-
 » гулкахъ ; я , подобно Ангелу -
 » хранителю , вездѣ слѣдовалъ за
 » тобою. Сей, видя мою объ тебѣ
 » попечительностъ , часто ввѣ-
 » рялъ мнѣ охранять тебя. Те-
 » першняя опасностъ твоя , лю-
 » безнѣйшая Климена ! приводишь
 » меня въ такое безпокойство ,
 » къ какому сполько способно су-
 » щество безплотное ; и по то-
 » му я не могъ удержаться , что-
 » бы не дасть тебѣ совѣта посред-

„своѣмъ сего письма. Ты, къ ве-
 „ликому изумленію, найдешь его
 „въ шуалѣхъ, между бездѣла-
 „ми, совершенно съ нимъ несо-
 „вмѣстными.“

„Дочь легкомыслія! ты на краю
 „пропаси: все измѣна и обманъ
 „въ глазахъ и на языкѣ Алькан-
 „дра; и еспѣли ты согласишься
 „на свиданіе, котораго у тебя
 „пребуюшъ—ты погибла. Сныдѣ
 „и гибель ожидаюшъ тебя;
 „адскіе духи, завистники чело-
 „вѣческаго благополучія, уже ос-
 „клабляюшся надъ моимъ обѣ те-
 „бѣ попеченіемъ; самый храни-
 „тель небесный готовъ оставишъ
 „тебя; печаль омрачаешъ без-
 „смертное чело его, подобно
 „облаку, омрачающему румянецъ
 „утра. Въ глубокомъ безмолвіи
 „ночи, когда все дышущее бы-
 „ло погружено въ сонъ, я слы-
 „шалъ, какъ онъ во мракѣ ближ-
 „ней рощи, въ которой ты ча-

„ сто прогуливаешься , извлекалъ
 „ изъ серебряной арфы томные
 „ звуки , подобные звукамъ небо-
 „ жишелей , когда они оплакивали
 „ потерянный рай и пресупленіе
 „ первой жены падшей. — И ты ,
 „ злополучная Климена ! и ты низ-
 „ падешь съ высоты чесши и до-
 „ бродѣшелей ! Что подумають объ
 „ тебѣ мушны ? И чѣмъ мо-
 „ жешь ты хвалишься , когда ша-
 „ кая невинность , такое чесно-
 „ сердечіе , такое благодравіе , какъ
 „ швое , должны мгновенно исчез-
 „ нуть ? Порокъ будетъ торже-
 „ ствовашъ надъ Клименою , и уви-
 „ дѣвъ ее въ числѣ своихъ неволь-
 „ ницъ , онъ едва повѣритъ своей
 „ побѣдѣ ; онъ съ адскою улыбкою
 „ исполнится изумленія , подоб-
 „ но звѣрскимъ Галламъ въ Рим-
 „ скомъ Сенаѣ , копорый почи-
 „ шали они собраніемъ боговъ ,
 „ пока не увидѣли его въ крови
 „ человѣческой .

„ Сб какимь самодовольствіемь
 „ и гордою улыбкою юный оболь-
 „ спитель оставилъ тебя про-
 „ шедшую ночь ! Какъ гордился
 „ онъ неожиданнымъ успѣхомъ въ
 „ своей искапелъности и шѣмъ ,
 „ что могъ заставитьъ тебя со-
 „ гласиться на пребуемое свиданіе ! Я былъ подлѣ тебя , ви-
 „ дѣлъ швое безпокойство , рас-
 „ каяніе и замѣшательство , въ
 „ какомъ онъ тебя оставилъ. Ты
 „ была расспроена , раздосадова-
 „ на и не похожа на себя до не-
 „ вѣроятной степени. Это былъ—
 „ нѣкогда ! — часъ швоего богомы-
 „ слія. Передъ тобою лежала Би-
 „ блія ; но ты не смѣла раскрыть
 „ ее , боясь встрѣпить въ ней для
 „ себя упреки. Ты пришла въ за-
 „ думчивость... Это подало мнѣ
 „ надежду , что ты , войдя въ се-
 „ бя , очистишься отъ своего пре-
 „ спупленія. Я готовъ былъ обле-
 „ щись въ образъ видимости , же-

„ лая подкрѣпишь колеблющуюся
 „ добродѣтель; но страхъ безраз-
 „ судный страхъ, какой обыкновен-
 „ но живые имѣють къ мершвымъ,
 „ удержалъ меня. Я боялся опас-
 „ ныхъ слѣдствій для робкой тво-
 „ ей напуры, — при всей кропо-
 „ сти моего явленія. Такимъ
 „ образомъ я рѣшился лучше на-
 „ писать къ тебѣ: письмо конеч-
 „ ро не такъ испугаетъ, а убѣ-
 „ дитъ не менѣе.

„ Тебѣ оспается не много вре-
 „ мени. Помысли объ этомъ,
 „ Климена! и войди въ свое поло-
 „ женіе. — Ахъ! или ты рѣши-
 „ лась забыть себя и жертво-
 „ вать добрымъ именемъ, спокой-
 „ ствіемъ и чистотою души
 „ безразсудной и преступной спра-
 „ сти? Вспомни, любезнѣйшая
 „ Климена! вспомни о несчастной
 „ Сильвіи, копорой Аلكандръ да-
 „ валъ тысячу клятвъ, и копо-
 „ рая, содѣлавшись жертвою его

» обольщенія, оплакиваетъ въ безв-
 » извѣстности судьбу свою! — О
 » будь добродѣтельна, состра-
 » дательна къ ней и справедлива
 » къ самой себѣ!

» Послѣ совѣща, который ты
 » получаешь отъ мертваго, тѣмъ
 » шягоспиѣе, тѣмъ непрости-
 » шельнѣе будешь твоей преспу-
 » покѣ!... Ты изъ доброй воли
 » ввергаешься въ бездну гибели—
 » и думаешь оправдаться въ томъ
 » пустымъ умничаньемъ. Ты, по-
 » добно душѣ опчаянной, забы-
 » ваешь о вѣчности и о тѣхъ ра-
 » досяхъ, которые ожидаютъ
 » праведниковъ въ странѣ горя-
 » го свѣща. Тамъ только царству-
 » етъ вѣчная красота и юность!
 » О! сколько онѣ превыше того,
 » что приводитъ тебя въ ослѣп-
 » леніе — и въ чемъ ты найдешь
 » собственную пагубу!!

Къ Графинѣ Гартфоръ.

Милоспивая государыня!

» Вы получите отъ меня по-
 » слѣднее письмо — и послѣднее
 » увѣреніе въ чистосердечной и
 » неизмѣнной моей къ вамъ друж-
 » бѣ. Если мы еще увидимся, то
 » конечно не здѣсь; а тамъ,
 » гдѣ одна совершенная любовь
 » владычествуетъ. Можетъ быть
 » я первая изъ безплотныхъ встрѣ-
 » чу васъ въ странахъ вѣчности.
 » Да будетъ небо свидѣтелемъ въ
 » моей любви къ вамъ! Къ нему
 » возсылаю сердечныя молебны мои,
 » да сохранитъ оно васъ отъ всѣхъ
 » обольщеній міра. Да пребудетъ
 » жизнь ваша примѣромъ благоче-
 » стія и утѣшеніемъ для безущи-
 » ныхъ; и когда духъ вашъ въ
 » миръ сложитъ съ себя персть
 » земную, да вступите вы въ пре-
 » дѣлы небесныхъ радостей!!

» Теперь прощаюсь съ вами, —
 » и, какъ думаю, не надолго. Я

„ умираю въ швердой увѣренности,
 „ что мы скоро опять увидимся!
 „ И на какой высотѣ щасія! въ
 „ какой возможности дѣйствова-
 „ нія нашихъ силъ! въ какомъ упое-
 „ нии будемъ размышлять мы о
 „ вѣчномъ нашемъ блаженствѣ!
 „ Тамъ вѣчно, вѣчно будемъ воз-
 „ давать хвалу, честь и поклоне-
 „ ніе Тому, Кто, изъ любви къ
 „ намъ, омылъ насъ Своею кровію!
 „ Теперь соспавляетъ Онъ един-
 „ ственно мое утѣшеніе и надеж-
 „ ду! Его имени вѣруютъ языкъ
 „ ники и благословляютъ всѣ пле-
 „ мена земнородныхъ. Онъ теперь
 „ мое приближище — моя радость.
 „ Подъ одеждою заслугъ Его поль-
 „ ко надѣюсь оправдаться, и Его
 „ кровію исходатайствовать себѣ
 „ примиреніе съ небомъ.

„ Какъ ничтожны были бы мои
 „ надежды, есѣли бы онѣ осно-
 „ вывались ни однихъ моихъ со-
 „ чиненіяхъ! Онѣ льстили поль-

„ ко моей гордоспи — а друзьями
 „ были одобряемы единственно по
 „ приспрасію ; но въ очахъ свя-
 „ шійшей истины онъ не болѣе ,
 „ какъ блестящія прегрѣшенія.
 „ Лучшія дѣла мои не что иное ,
 „ какъ великіе недоспапки предъ
 „ Тѣмъ , предъ Кѣмъ и самое яс-
 „ ное небо мрачно ! Увы ! еспѣли
 „ бы я не уповала на заслуги Ис-
 „ купителя , то какъ бѣдственно
 „ было бы мое положеніе ! какое
 „ опчаяніе перзало бы мое серд-
 „ це ! Не смотря на всѣ мои и ве-
 „ ликія достоинства , я ужасну-
 „ лась бы и запрепешала при од-
 „ ной мысли , что мнѣ должно
 „ явиться предъ величіемъ Божі-
 „ емъ ! О Іисусе ! какая сладость ,
 „ какое доброголасіе въ швоемъ име-
 „ ни ! Оно заключаетъ въ себѣ ра-
 „ досъ неба — безсмертіе ! Его
 „ славословія безсмертныя духи ;
 „ Тебя благословляютъ народы , То-

» бою искупленные — и вѣчно, вѣч-
» но благословляшь будущъ.

» Какой сонъ — сія жизнь зем-
» ная! Какой мракъ — всѣ пред-
» меты чувственныя! Все величіе
» міра сего, любезнѣйшая изъ дру-
» зей! исчезнетъ для васъ въ
» страшный часъ смерти, ко-
» гда вы отдѣлитесь отъ всего
» видимого, и воспарите въ спра-
» ны міра невещественнаго.

» Чувствую и вѣрю, что я въ
» послѣдній разъ теперь говорю
» съ вами. Просшите для сего мі-
» ра! О! дай всемилосливый Бо-
» же, чтобы мы не навсегда раз-
» спались! Умоляю Его благосль,
» да сохранишь васъ незыблемо
» въ святѣйшей вѣрѣ нашей и на-
» правитъ стопы ваши на путь
» чистѣйшей добродѣтели.

» И такъ будьте счастливы,
» любезнѣйшая изъ друзей моихъ!
» будьте счастливы до радостна-

„го свиданія вѣ странѣ вѣчнаго
„блаженства!

Елисавета Рове.

„Благоволи, источникъ любви!
„благоволи восхищенной душѣ мо-
„ей почерпашъ живыя твои воды!
„благоволи ей погрузиться вѣ не-
„измѣримости твоихъ радостей!
„Тамъ всѣ безпредѣльныя ея же-
„ланія пресыпяща — и вѣ вѣч-
„номъ избыткѣ перяща будущѣ!
„— Боже сердца моего! имѣю ли
„какую радость, имѣю ли даже
„мысль о щастіи — внѣ Тебя?
„Ты благословилъ дни мои ми-
„ромъ и обиліемъ; но успокоенѣ
„ли духъ мой симъ благословені-
„емъ? И не полагаю ли я всей
„радости, всего утѣшенія жиз-
„ни моею вѣ Твоей благости,
„вѣ одной любви Твоей? Чѣмъ мнѣ
„вѣ суетныхъ, обманчивыхъ при-
„зракахъ вещественнаго и плѣн-
„наго? Мои мысли стремяща вѣ

„ горняя ! Сей міръ для меня не-
 „ сносенъ ! Я мертва ко всѣмъ меч-
 „ шамъ его. — Къ тебѣ единому
 „ пылаетъ душа моя ! Для тебя
 „ непрерывно дѣйствуютъ всѣ
 „ мои силы , — и все , что воз-
 „ буджаетъ во мнѣ желанія , что
 „ ихъ оживляетъ и успокоиваетъ,
 „ заключается въ тебѣ Единомъ,
 „ источникъ любви и восхищенія !
 „ Какъ жаждетъ душа моя къ
 „ симъ вѣчнымъ , неизрѣченнымъ
 „ радостямъ ! Какъ мрачась во
 „ мнѣ всѣ мысли , кромѣ мысли о
 „ тебѣ ! Я забываю существо мое
 „ забываю все , кромѣ Тебя ,
 „ великое , вѣчное Единство ! Ты
 „ запечатлѣно въ душѣ моей и
 „ будешь присутствовать во мнѣ
 „ до послѣдней минуты ; а шамъ ,
 „ за предѣлами сей жизни , когда
 „ духъ мой облечется въ безсмер-
 „ тие , я непрестанно буду со-
 „ зерцать Твое всесовершенное ве-
 „ личіе .

„ Разсѣй мраки , и даруй жаж-
 „ дущей душѣ моей зрѣть швое
 „ велелѣпіе ! Я должна обрѣсти
 „ спокойствіе, должна удовлетвори-
 „ риться въ безпредѣльности мо-
 „ ихъ желаній , или Ты вошче
 „ далъ бышіе благороднѣйшему со-
 „ зданію !

„ И звѣри щасливы : они до-
 „ спигають цѣли своего назначе-
 „ нія; они насыщаются въ своихъ
 „ чувствахъ — и никакого высша-
 „ го блаженства не ожидаютъ.
 „ Они ничего не знаютъ о Тебѣ ,
 „ не знаютъ , что Ты многораз-
 „ личныя племена ихъ возвалъ къ
 „ бытію изъ ничтожества. Они
 „ спокойны ; ибо не имѣють по-
 „ нятія ни о верховномъ благѣ ,
 „ ни о Твоемъ имени.

„ Но человекъ , способный къ
 „ блаженству безсмертія , спре-
 „ мился къ безконечному , но не-
 „ видимому Существу — и только

мис. Лид.

Л

„ въ немъ можешъ обрѣсть усно-
„ коеніе. „

Какъ прекрасно и возвышенно
все сказано!! Это совершенный
языкъ Лидинъ.

XXXVII.

Щастіе любви семейственной.

Что можешъ быть прекраснѣе
семейственнаго благополучія. —
Вотъ изображеніе его, Лида!
Вотъ все, что составляетъ на
земли щастіе нашей жизни! Я
не могъ видѣть этой картины,
не думая о тебѣ, милая! — Ахъ!
такъ щасливъ былъ бы Карлъ
въ объятіяхъ Лиды, — Я думалъ,
думалъ долго, и — сладостная за-
думчивость разлилась въ душѣ
моей, слеза чувствительности
запрепешала на глазахъ моихъ.

Успалый отъ дальнѣйшей и труд-
ной дороги Либманъ ускорялъ ша-
ги свои, чтобы отдохнуть до-

ма. Вильгельмина, нѣжная его супруга, исправивъ всѣ домашнія дѣла, съ неперіѣніемъ любви дожидалась своего пупника. Уже закапилось солнце, и вечерняя заря горѣла на западѣ, какъ Либманъ, покрытый пошомъ и пылью, спустился съ зеленого холма и спунилъ ногою на землю родимую. Живой, рѣзвой Карлъ, обрадовавшись въ дѣтскомъ сердцѣ своемъ, бросилъ свой ужинъ и съ радостнымъ крикомъ побѣжалъ къ опцу на встрѣчу. Маленькая Юлія, глядя на брата, также кинула свои куклы, бѣжала не чувствуя ногъ подъ собою и задыхалась, спараясь опередить Карла. Папинька! папинька! — были единственные ихъ крики, раздававшіеся по тихой долині; они вызвали и мать изъ мирного, уединеннаго жилища. Безхитросная любовь ускоряла шаги ея; она снова видѣла любезнаго — и, въ упоеніи сердечной радости,

безмолвно падаешъ на грудь къ нему. Дѣти повисли по бокамъ его, а супруга шаяла въ объятіяхъ добраго мужа. — О! какое прогашельное, какое плѣнительное явленіе для сердца нѣжнаго! Соплещись руками, шли вмѣстѣ щасливые супруги; подлѣ нихъ прелестныя малюшки безпрестанно рѣзвились и прыгали. Въ такомъ положеніи прошли они до половины долины. Тутъ, подлѣ развѣсистой липы, Вильгельмина принимала нѣжнаго супруга и отъ души поздравляла его съ деревенскимъ праздникомъ. — Тѣни опчасу болѣе расшлались по чистому Небу; блѣдныя шуманы величественно поднимались надъ моремъ. Звѣзды, мелкая кое гдѣ, возвѣщали насупленіе тихой, усадишельной ночи. Пріятныя звуки люшны, сопровождаемые голосомъ Вильгельмины, были выраженіемъ ея сердца. Между тѣмъ

малюшки , успавъ отъ прыганья и поцѣлуевъ, заснули сномъ сладкимъ. Невинность и улыбка тихой радости изображались на лицахъ ихъ. Попечительная мать , боясь , чшобы сырой воздухъ не повредилъ ихъ здоровья, тихонько взяла ихъ на руки и понесла на постелю ; но не надолго она оставила одного Либмана : она потчасъ возвратилась , и оба пошли въ душистую бесѣдку, которую сдѣлала сама Вильгельмина. Тамъ они ужинали за умбренымъ споломъ ; но онъ былъ для нихъ пѣмъ вкуснѣе, что любовь и радость приправляли его разговорами о дѣлахъ домашнихъ. — Серебряный мѣсяцъ улыбался изъ легкихъ облаковъ на дремлющую природу. Либманъ и Вильгельмина почувствовали въ себѣ вліяніе благошворнаго свѣтила. Они оставили уединенную бесѣдку — и въ упоеніи благородныхъ

чувствованій шли крышою алеєю,
 сквозь кошорую преломлялись лу-
 чи мѣсяца въ разныхъ наклоне-
 ніяхъ. Сердца ихъ шаяли — и сле-
 зы чистой любви, въ видѣ жем-
 чужинъ, блиспали, при свѣтѣ
 луны, на матернихъ щекахъ Виль-
 гельмины. Либманъ видѣлъ ихъ,
 чувствовалъ ихъ цѣну — и осу-
 шалъ поцѣлуями. Они вышли изъ
 аллеи; увидѣли предъ собою ве-
 личественную картину природы.
 Тамъ, — въ глубокихъ ущеліяхъ
 горъ, съ шумомъ низвергались по-
 токи, наполняя опдаленности
 своимъ гуломъ. Либманъ палъ на
 землю и въ благоговѣніи возсы-
 лалъ мольбы къ Тому, Кто такъ
 великъ въ своемъ созданіи! Виль-
 гельмина послѣдовала примѣру
 супруга. Ея грудь шепетала; ея
 сердце горѣло въ святыхъ ощу-
 щеніяхъ. — Они молились о не-
 измѣнності любви своей, такъ

пламенно , какъ я молюсь о любви швоей , Лида ! —

XXXVIII.

Свойства души благородной. Любовь возвышаетъ насъ къ подражанію.

Быть достойнымъ тебя , милая дѣвица ! составляетъ всю потребность , всѣ усилія души моей ! — Я выбралъ себѣ примѣръ , и ему подражать хочу : это образъ благороднаго мужа. — Его нѣтъ болѣе !... Слабы силы мои возвышались до совершенствъ его ; только ты , только швоя любовь можетъ окрылить меня къ сему великому полету.

Ясно было лице сего мужа. Тихое самодовольствіе , плодъ истинныхъ достоинствъ , сіяло на челѣ его. Искреннее человѣколюбіе изображалось на глазахъ его ; а крошость и глубокоемысліе

обнаруживали въ немъ рѣдкую скромность. Спокойная и величественная важность его осанки доказывала въ немъ друга справедливости; сердечное дружелюбие, непрерываемое ни чѣмъ, кромѣ угнѣшенія чловѣчества, разливалось и господствовало во всѣхъ чертахъ его. Словомъ, послѣдній живописецъ могъ бы снятъ съ него вѣрное изображеніе протопетельныхъ добродѣтелей. Таковъ былъ сей мужъ, коего Небо избрало въ примѣръ людямъ; таковъ былъ онъ до тѣхъ поръ, пока несчастіе другихъ не возмущало благороднаго духа его, пока бѣдность какого-либо семейства не терзала его сердца. Домъ его былъ не рѣдко убѣжищемъ для бѣдныхъ и беззащитныхъ. Никто съ печальнымъ лицомъ не опходилъ отъ него: всякой благословлялъ имя сего друга чловѣчества, всякой проливалъ предъ

нимъ слезы живѣйшей благодарности.

Благодѣянія его имѣли въ себѣ большую цѣну, что онъ оказывалъ имъ въ тайнѣ сердца своего, — сердца, которое билось въ немъ единственно для человеколюбія и помощи. Онъ скрытно опыскивалъ семейства, дабы облегчить имъ участь. — Узнаешь ли о несчастномъ, въ тайнѣ помимомъ бѣдностію, и причинѣ оной? Какое для него утѣшеніе!! Надежда — сдѣлать добро — оживляетъ его; мысль, что есть бѣдные, возбуждаетъ въ немъ сердечное участіе. Въ чувствѣ благороднаго сердца! Въ дѣйствіи истинной добродѣтели! И все сіе въ ясныхъ чертахъ выражалось на лицѣ его. — Онъ поспѣшаетъ въ жизнь споданія; видитъ бѣдность во всей наготѣ ея — и душа его изливается въ полномъ благошвореніи. Находишь ли се-

Иис. Лид.

М

мейство, впавшее въ несчастіе по собственной винѣ своей? онъ также помогаетъ ему; но только не вдругъ, а по немногу. Между тѣмъ дѣлаетъ увѣщанія, утѣшаетъ и поддерживаетъ. Находитъ ли домъ, плутовствомъ и замыслами людей разсвоенный, но небезпечный и низкій? тотчасъ помогаетъ ему соразмѣрно нуждамъ. Впрочемъ такая благошворительность его ни мало не распроиваетъ домашнихъ дѣлъ его. Онъ имѣетъ очень мало потребностей, равно и его семейство. Дѣлаетъ добро есть лучшее для всѣхъ ихъ удовольствіе. Наспавленіе, совѣты, утѣшенія и помощь составляютъ для него священные обязанности; онъ поклялся выполнять ихъ въ минушную рѣшимости: сдѣлаться человекомъ!

Какъ ни любезны для него сіи обязанности, но онъ безъ нужды

никогда не обнаруживаешь их. Сверх сего такое самоопровержение в нем не есть ни испугание, ни спранный. Он чувствует себя — и благодарит Бога, что он чувствует. — В нем видите не сурового и мрачного нравоучителя, но любезного и веселого собеседника, — собеседника, который не опрашивает себя ни в каком дозволенном удовольствии — и даже достоинством для себя поспавляет подчас быть робенком.

Нравится ли тебе изображение сего мужа, Лида? Я беру его себе за образец; но возвысись до него не могу иначе, как при помощи любви твоей. — Мысль о тебе, — мысль достойным быть твоего внимания, дѣлается для меня все легким. Посмотри, как сильна любовь! Она, соединясь с добродетелью, ведет людей к совершенству. — Прощай, и

ПОМНИ , ЧТО ТВОЯ ЛЮБОВЬ ДЛЯ МЕНЯ ВСЕ!

XXXIX.

Увѣреніе въ сердечной нѣжности.

Вѣрный другъ души моей ! ты знаешь , что я люблю тебя ; не сомнѣвайся въ томъ : самое сомнѣніе есть казнь для чувствительной и преданной тебѣ души моей. — Ты моя, а я совершенно твоя. Успокойся , милая ! Мое сердце знаетъ тебя ; и можешь ли ты превозмощиться , чтобы не любить тебя томъ , кто узналъ тебя ? — Не давай мѣста печали въ доброй душѣ твоей , и внимай только чувству любви и дружбы. Первая заимствуетъ силу свою отъ послѣдней ; — и что такое любовь , если она не имѣетъ основаніемъ дружбы ? — Ты давно уже мнѣ другъ и милая. Еслижъ ты думаешь иначе : если ты

думаешь, что я меньше люблю тебя, меньше, чѣмъ ты заслуживаешь: то ты несправедлива. Но эта несправедливость не есть порокъ; она происходитъ отъ любви твоей. Я не знаю въ тебѣ ничего предосудительнаго; ты не имѣешь ни одной слабости, кромѣ той, которая есть дѣйствіе прекрасной души твоей — чрезмерная чувствительность! — О! дай Богъ! чтобы эта слабость была всеобщей: какъ бы приятно было прощать ее!

Какъ провела ты свой праздникъ? — не такъ ли, какъ и я: въ слезахъ тихой задумчивости? — Это сочувствіе сердецъ нашихъ. Любовники не любятъ шумныхъ обществъ. — Ты болѣе, нежели печальна: это видѣлъ я изъ твоего письма. Скажи, отъ чего? ... Ты ничего не должна скрывать отъ меня: скрытность для любви оскорбительна. Я ничего не

шаю отъ тебя, и ты по же
 должна дѣлать. А!... понимаю:
 эшо.... недовѣрчивость? — Ахъ,
 Лида! какъ ты мало знаешь ме-
 ня? Вѣрь! я прилѣпленъ къ
 тебѣ, какъ не лѣзя бытъ болѣе.—
 Скажи, могу ли безъ тебя улаж-
 дайся жизнью? Или не зна-
 ешь о моей привязанности? Или
 не знаешь, что я предъ цѣлымъ
 свѣтомъ готовъ сказать, что
 живу для тебя единственно? —
 Вспомни, Лида! вспомни, какъ я
 беспокоился при малѣйшей непрі-
 ятности, съ нами встрѣчавшей-
 ся. — Какъ мучишеся для меня
 каждый день, когда не получаю отъ
 тебя извѣстія! Все твое мнѣ ми-
 ло; всякой день бываю тамъ, гдѣ
 ты прогуливалась, писала и пре-
 давалась задумчивости. Сіи мѣс-
 та теперь сдѣлались моими. Тамъ
 я прогуливаюсь, пишу и преда-
 юсь задумчивости.—Какого дока-
 зательства желаешь еще въ люб-

ви моей? или забыла, что мы говорили въ послѣднее свиданіе?... Все то должно ручаться тебѣ въ моей вѣрности; я еще подтверждаю тебѣ то же. Мое сердце — твое, и никто, кромѣ тебя, не будетъ владѣть имъ. Разлучили насъ судьба, или ты перестанешь любить меня? я все не меньше буду принадлежать тебѣ! Отдамъ тебѣ назадъ твое сердце, а свое на вѣчно у тебя оставлю.

Ты жалуешься, что мои письма къ тебѣ коротки. Когда такъ, то я буду писать къ тебѣ цѣлыя тетради, и на всякой страницѣ твердить тысячу разъ, что я люблю тебя. Будь увѣрена въ томъ, милый другъ мой! но ради Бога! увѣдомь меня скорѣй, спокойна ли ты? Признаюсь, твое письмо меня напугало. Въ немъ примѣтно, что ты писала его дрожащею рукою; я видѣлъ слѣды

слезъ твоихъ. Ахъ, Лида! береги ихъ : ты часто ихъ проливала о нещасномъ. Любовь должна осушать ихъ на глазахъ твоихъ, мой моцѣлуй.— Прости ! —

XL.

Мысли во время прогулки.

Съ тѣхъ поръ , какъ я люблю тебя , Лида ! мое сердце со всякимъ днемъ спановишся любовнѣе къ людямъ. Взгляни , какъ сильна любовь — къ тебѣ любовь, Лида ! Вотъ какъ много дѣлаешь обхождение съ благородною душою ! Я иду съ прогулки ; вотъ мои мысли :

Какъ плѣнишеленъ образъ человека съ добрымъ сердцемъ ! Какое блаженство было бы на земли, если бы всѣ люди любили другъ друга ! — Тогда бы наши спраданія несравненно сдѣлались бы легче, а удовольствія въ тысячу разъ

живѣе. Земля была бы хвалебнымъ храмомъ Верховной Благоспи, къ кошорой мы можемъ приближиться единственнo добротою сердца. — Самая природа назначила намъ быть добрыми! Нѣтъ чело-вѣка, кошорый не чувствовалъ бы въ себѣ этого спасительнаго ея внушенія: она вдохнула влеченіе къ добру въ наше сердце; но къ несчастію, оно такъ часто, такъ скоро и непримѣтно исчезаетъ въ душѣ нашей!... Я хотѣлъ бы пространно изъясниться о причинахъ онаго; но сей важный предметъ далеко увлекъ бы меня отъ моей цѣли. На сей разъ довольно сказать въ короткихъ словахъ, что если бы доброта сердца была для людей драгоцѣнностію; если бы она составляла предметъ ихъ пламенныхъ усилій: то живо ощутила бы великую истину, что на землѣ болѣе, несравненно болѣе добра, нежели зла. — Пред-

сшавъ себѣ мужа съ добрымъ серд-
цемъ ; посмотри , какая привле-
кательность въ лицѣ его ! Какъ
желалъ бы я для щастія людей ,
чтобы всякой могъ видѣть въ
немъ себя ! — Повѣрь, Лида! что
доброша сердца есть величайшее
достоинство , и только она со-
ставляешь въ человѣкѣ истинное
оплечіе. — Что пользы тебѣ и
людямъ въ обширныхъ познаніяхъ,
если не имѣешь доброшны внуш-
ренней? Чувствуя великія способ-
ности быть полезными , но не
чувствуя сердечнаго къ тому вле-
ченія , что сдѣлаешь добраго ? —
Ты помнишь слова , сказанныя
великимъ мужемъ — слова , пре-
краснѣйшія изъ всѣхъ , какія ког-
да-либо выходили изъ устъ его ,
и вѣрно объ нихъ размышляла !
Вотъ онѣ : « если бы говорилъ
« я языкомъ человѣческимъ и Ан-
« гельскимъ , и имѣлъ бы силы воз-
« несъ горы на горы , но не имѣлъ

„бы любви, то все былъ бы я ни-
„что!“—

Великъ, кто говорилъ такъ;
но несравненно болѣе потъ, кто
такъ мыслилъ и дѣлалъ! Добро-
та сердца и внутреннее влеченіе
желать и дѣлать всѣмъ добро
по возможности—вотъ все, что
составляетъ въ насъ истинное
достоинство!! Познанія и силы
наши, не бывъ употреблены ко
благу общему, есть мерзкій ме-
таллъ, которымъ обладаемъ мы
къ стыду собственному. Силы и
познанія, бывъ усмремлены ко вре-
ду ближняго, пожинающъ прокля-
тіе и для нихъ, проклятіе и для
насъ самихъ. Человѣкъ, ограничен-
ный въ свѣденіяхъ, ограниченный
въ возможности къ дѣйствованію,
но съ добрымъ сердцемъ, гораздо
лучше, гораздо почтеннѣе того,
кто съ великими дарованіями, съ
глубокою ученостію, но злаго
сердца. Такое положеніе (Саѣ)

Лида! ни мало не опзывается мірскою суешноспію ; оно дышешъ благородспвомъ человѣческой напуры.— Нѣтъ сомнѣнія , оно будешъ не по вкусу для многихъ... Люди , копорыхъ мы почиали , копорымъ удивлялись , и на копорыхъ шолько оспанавливали свои взоры , не будущъ заслуживашъ болѣе и одного взгляда , если примѣнишь къ нимъ это положеніе. Но за шо мы научимся цѣнишь истинныя достоинства и опдавашъ должную справедливоспъ шѣмъ , копорыхъ безразсудно презирали. Принявъ съсердечною любовію сіе положеніе и поставивъ его себѣ за правило , мы сдѣлаемся чувспвишельнѣе къ добродѣтелямъ и болѣе спанемъ пещись о возвышеніи себя истинными достоинствами.

Ты первая , Лида ! научила меня цѣнишь доброе сердце , швоя чувспвишельность переобразова-

ла мою душу; ты первая научила меня истинно чувствовать и истинно любить.

XLІ.

*Безлокойство — заботливость
чувствительнаго сердца.*

Давно полночь! но я не могу успокоиться, не написавъ къ тебѣ ни строчки. Въ сію минушу мертваго безмолвія, когда половина земнородныхъ покоится, мнѣ должно сказать тебѣ, что я бодрствую, и что люблю тебя. Такъ, я весь—ты; моя душа неразлучна съ твоею... О! какъ былъ бы я успокоенъ, еслибъ зналъ, что сонъ тихій сомкнулъ свои вѣжды. — Много страдалъ я вчера, — и твои глаза проливали со мною слезы. — О еслибъ скорѣй разсвѣтъ! О еслибъ могъ я склонить голову на грудь твою и забыть на ней свои мученія! — Нынѣшнюю ночь я не могу успо-

воишься. По своемъ пробужденіи ты найдешь это письмо, а за нимъ скоро явлюсь и я. Тогда скажу тебѣ, что ты все мое я; что твоя любовь дѣлаетъ меня неизбъяснимо щасливымъ, и что я всѣ свои мученія забываю въ твоихъ обѣщаніяхъ.

XLII.

Отдохновеніе душъ благородныхъ.

Приди, Лида! забудемъ печальные дни города; приди на открытое поле. — Тамъ спанемъ любовавшись великолѣпнымъ небомъ; тамъ, на нивѣ, покрытой еще изумрудною зеленью, сяду я возлѣ тебя на камнѣ и буду услаждаюсь воззрѣніемъ на природу. День ясенъ, погода тихая; солнце изливаетъ теплошворные лучи свои; виды такъ далеко простираются во всѣ стороны, что самыи Ангелъ, про-

ходя сими мѣстами , облекся бы
 въ покровъ видимости и охотно
 возсѣлъ бы съ нами. О простран-
 ный міръ Божій ! какъ ты вели-
 чественъ ! — Надъ нами и возлѣ-
 насъ, на право и на лѣво — вездѣ,
 куда ни посмотришь , видишь
 тысячу прелестей; со всякимъ взо-
 ромъ сердце мое возвышается и
 бьется съ неизъяснимымъ услаж-
 деніемъ. Сидѣлъ ли шувъ такъ
 часто , какъ мы , владѣлецъ сего
 помѣстья и сего камня? Привѣш-
 сивовалъ ли весну и наслаждался
 ли радостями обновляющейся при-
 роды ? — Тамъ, надъ нами, круг-
 лый сводъ. О ! какъ видъ его по-
 разителенъ и великолѣпенъ ! Сего
 дня въ немъ такая чистота, та-
 кая нѣжная голубоватость, такая
 ясность ! Вотъ истинный образъ
 неизмѣримости , благости и не-
 винности сердца ! ! Я обзрѣваю
 весь небосклонъ. Душа моя , по-
 добно оному , мгновенно разши-

ряешся; всякая мысль моя устремляешся къ тому, чшобы чистою превзойши небо.— Будь это вечеръ— и я увидѣлъ бы на немъ безчисленные звѣзды, по свѣпящія порознь, по сближаясь болѣе и болѣе, сливающія вмѣстѣ свѣтъ свой. Теперь закрываешъ ихъ ясный день весеннимъ солнцемъ. Какъ величественно оно плаваешъ, изливая блескъ свой! Я ничего не знаю блистательнѣе и прекраснѣе! Дневное свѣшило, со дня на день, становясь выше на небѣ, ведешъ къ намъ пріятнѣйшее время года. О! солнце, какъ ты для земли благошворно!.. Кто можешъ взирать на себя и въ полной мѣрѣ не представлять безчисленныхъ своихъ благодѣяній къ земнороднымъ? Ты изливаешъ свѣтъ, грѣешъ, питаешъ и живошворишь все дышущее; тамъ разсыпаешъ цвѣты, здѣсь покрываешъ ниву благосло-

венною жашвою ; вездѣ оживле-
 ніе , вездѣ любовь , вездѣ жизнь.
 — Закроють ли тебя облака—и
 все на землѣ погружается въ уны-
 ніе, все ищеть , перебуешь тебя.
 — Кто замѣнитъ тебя въ приро-
 дѣ? Просіай, просіай благодѣтель-
 ными лучами , опрада, утѣшеніе
 вселенной—и все одушевишься ра-
 достію ; поля и лѣса наполнятся
 пѣніемъ и ликованіемъ , и зем-
 ледѣль въ сладостномъ біеніи серд-
 ца пойдеть на дѣло свое. Юноши,
 сославивъ хороводъ , съ веселіемъ
 въ душѣ спануть рѣзвишься и
 прыгашь ; дряхлый спарець по-
 кинеть мрачную свою хижину и
 пойдеть на лугъ; тамъ согрѣетъ-
 ся пвоею теплотою и въ слабѣ-
 ющихъ жилахъ ощутишь крѣ-
 постъ и силу. Такъ со дней моей
 юности взиралъ я на тебя и бла-
 гословлялъ въ душѣ моей! Ты освѣ-
 щало опцевъ нашихъ ; и когда
 прахъ нашъ , подобно ихъ праху,

Пис. Лид.

Н

изпѣетъ, ты будешь освѣщать
еще наше позднѣе потомство. По-
добно намъ, оно будетъ любоваться
твоимъ восхожденіемъ, будетъ
улаждайся твоими лучами по-
слѣ дней бурныхъ. О солнце! что
ты? Не ужели источникъ твоего
свѣта вѣчно неизсякаемъ? Съ пла-
меннымъ сердцемъ взираю на те-
бя и мыслю о Существѣ, тебя
создавшемъ. Твое существованіе
дѣлаешь для меня жизнь драго-
цѣнною. Вселенная безъ тебя —
и я бытъ не могъ бы. Согрѣвай и
оживляй меня: я здѣсь совершен-
ной твоей, ни о чемъ не пекусь, ни
о чемъ не печалюсь; есть солнце
и — довольно.

Внѣкошоромъ опдаленіи я вижу
луну. Въ томной блѣдноти она зы-
блется. Нѣтъ въ ней ничего, что мо-
гло бы возбудить въ сердцѣ пламен-
ное желаніе; и потому, кто не знаетъ
ее, не спалъ бы объ ней безпо-
койшья. Еще полдень, а мѣсяцъ

высоко и опчасу спановишся
 полнѣе. Но солнце скоро и для
 него будетъ благодѣтельно. Чѣмъ
 далѣе онъ уходитъ, тѣмъ болѣе
 набираетъ свѣту; еще нѣсколько
 дней—и онъ будетъ во всей своей
 полнотѣ; онъ возвратитъ съ со-
 бою свѣтлыя, восхищительныя но-
 чи. Какъ другъ природы буду я
 тогда смотрѣть на него и имъ
 пѣнясь: крошкое величїе луны
 восхищаетъ меня. Она въ опсуш-
 ствїи солнца дѣлаетъ вселенную
 прекрасною. Брожу въ тѣни гус-
 тыхъ деревьевъ, среди мирнаго
 жилища земледѣловъ, среди над-
 гробныхъ памятниковъ; преслав-
 ляю въ воображенїи всѣхъ людей,
 скончавшихъ земные дни свои;
 ощущаю сердечное удовольствїе
 при мысли, что опять ихъ уви-
 жу. Это таинственное влеченїе;
 между луною и унылымъ, чувстви-
 тельнымъ сердцемъ всегда имѣ-
 етъ мѣсто нѣжная довѣренность.

Посмотри, какъ спрадальцы, пишая надежду въ душѣ своей, проливаютьъ къ ней слезы! Какъ влюбленные, въ испупленіи сердца, призывають ее въ свидѣтели своей чистоты и вѣрности, и при ея свѣтѣ наслаждаются блаженствомъ любви взаимной. Никто сполько не обязанъ ей, какъ пущникъ: при ея свѣтѣ онъ надежно проходишь лѣса среди глубокой ночи. Такъ нѣкогда спрансповалъ и я. Луна сопровождала меня отъ одной деревни до другой. При входѣ въ селеніе, запертымъ домомъ, она оспавляла меня; при выходѣ изъ онаго она изъ-за высокихъ плешней являлась ко мнѣ опять. Тысячекратно смотрѣвъ я на нее тогда — и при всякомъ разѣ благословлялъ ее и благословлялъ Творца ея. — Иногда, не озираясь долго, я наконецъ обращаю назадъ взоры свои — и вижу многолисленныя перемѣны

видовъ воздушныхъ. Тамъ облака, несомыя вѣтромъ, прелестно мѣшають свѣтъ съ тѣнію! Ни мало не угрожая ни бурею, ни дождемъ, онѣ не надолго похищаютъ солнце; сіи облака, будучи вешнія, легкія и небольшія, опшѣняють холмики и лѣсочки; мало по малу проходятъ, попомъ соединяются, раздѣляючися опять, и наконецъ перяются изъ виду. Теперь все кажется надо мною въ движеніи. Сіи облака, вмѣстѣ съ голубоватоспїю неба, безпрестанно измѣняючися въ глазахъ моихъ и представляють многоразличныя на небѣ явленія. Какія прелестныя виды изъ нихъ образуются! — О какъ несходны они съ шѣми, какія соспавляючися изъ густыхъ пучъ осеннихъ!... Тихій, южный вѣтерокъ вѣетъ на холмѣ; соединяясь съ лучами солнца, онъ очищаетъ воздухъ и дѣлаетъ его благошворнымъ. Ощущеніе но-

ваго бышїя разливається теперъ
 въ моихъ жилахъ. Чувства мои
 спановляясь живѣе, мысли шеп-
 кушъ такъ легко и свободно!
 Здѣсь гораздо ощущительнѣе для
 меня жизнь, нежели въ запертой,
 пѣсной моей комнашѣ. Здѣсь ды-
 шу я здоровымъ воздухомъ, чув-
 ствую живѣйшее обращеніе въ
 крови моей, опважнѣе поднимаю
 голову — и каждая часпичка во
 мнѣ крѣпче соединяется съ цѣлымъ
 моимъ соспавомъ. Боже! какъ цѣ-
 лебенъ воздухъ подъ открытымъ
 небомъ! И эта цѣлебность имѣ-
 ешъ вліяніе не на однихъ людей,
 но и на все швореніе. Взгляни на
 землю, Лида! взгляни на сіе пре-
 красное произведеніе Всемогуща-
 го! Съ неба низведи взоръ свой
 долу — и разсмашривай!

Такъ, земля не только обшир-
 нѣйшее, но вмѣстѣ великимъ ис-
 кусствомъ и прекрасно располо-
 женное зданіе, покрытое велико-

лѣпнымъ сводомъ; вездѣ оно яр-
ко освѣщено, и все въ немъ ма-
лое и великое радуется бышiemъ
своимъ. — Какъ пріятно обозрѣ-
вать его, но еще пріятнѣе въ немъ
прогуливаясь и вездѣ видѣшь
жизнь и радость.

Тутъ, предъ самими глазами,
равнины, открытыя поля и ку-
старники, сады и луга, ручейки
и рѣки. Тамъ вижу холмы, кои
то по опвѣсу, то съ непримѣш-
ною покапосью исчезаютъ въ
долинахъ. Тутъ представляются
мнѣ величественныя горы, среди
коихъ гремитъ громъ и блиста-
ютъ молніи. Возвышаясь до не-
обозримости, онѣ являющіяся огром-
ными сполбами, кои воздвигла
природа во славу Творца своего.
Какъ бы хотѣлось мнѣ стоять на
вершинѣ ихъ и ошудасмотрѣть
на необъятную для взоровъ по-
верхность земную! Тогда уви-
дѣлъ бы я все великолѣпіе земли

нашей ; увидѣлъ бы, какія благо-
словенія, какіе дары низливаюш-
ся на нее опѣ руки Творческой,
и сказалъ бы, какъ несправедливо
ропщемъ на судьбу свою!.. Я еже-
минутно перехожу съ мѣста на
мѣсто, и на всякомъ шагу вели-
чіе дѣлъ Божіихъ приводишь въ
изумленіе умъ мой. — Бьешъ ли
родникъ въ горѣ? — о! я падаю
предъ нимъ на колѣни, почерпаю
въ немъ чистую, холодную воду
и говорю: какъ могъ ты взойти
на такую высоту?.... Ты сынъ
глубины; какая же сила повелѣ-
ваетъ тебѣ испочасть здѣсь сію
цѣлебную влагу? — У подножія сихъ
горъ величественныхъ прости-
рается до необозримости равни-
на; сколько роскоши на ней и бо-
гатства! Какое безмолвіе, ка-
кая тишина здѣсь владычеству-
ють! Вотъ лучшее убѣжище для
влюбленныхъ. Здѣсь свободно мо-
гутъ они повѣрять другъ другу

свои тайны, и безопасно перели-
вать чувства свои изъ души въ
душу. О вы, обитатели сихъ
мѣстъ щасливыхъ! какъ мирно
должны пропекашь дни ваши: на-
ходясь на вершинѣ горъ, можете
ли не забыть о возвращеніи въ
свои жилища?... Богъ, воздвиг-
нувъ горы, разширивъ долины,
великолѣпно украсилъ землю. Вско-
жу ли на вершины, или спуска-
юсь долу? вездѣ говорю: прекра-
сно тамъ, прекрасно и тутъ!

Вокругъ меня простирается об-
ширная равнина, которую едва
объемлетъ мое око. Она со всѣхъ
сторонъ открыта; но не уже ли
для того, чтобы выставляла на
ней толпы жертвъ, вооружен-
ныхъ другъ противъ друга? Нѣтъ:
она произведена для того, чтобы
ее пахали, засѣвали и собирали
жатву, а если угодно, то, по
Воскресеньямъ и праздникамъ, лю-
бовались картиною желѣющихъ

Иис. Лид.

О

на ней колосьевъ ; или, если оно не воздѣлано, то смопрѣшь, какъ безчисленное множество дышущихъ на ней играетъ, прыгаетъ и веселится ! Здѣсь со всѣхъ сторонъ обильно низливается благословеніе Неба. Какъ прелестно частый посѣвъ зеленѣетъ на нивахъ,—и чѣмъ онъ становится выше, тѣмъ зелень его дѣлается пріятнѣе; попомъ бѣлѣетъ, а попомъ желтѣетъ; и высокія колосья, придуновеніи легкаго вѣтерка, волнами преклоняющіяся къ землѣ. Наспаетъ жатва — и поле покрывается поселянками и снопами. Звѣри удаляются въ лѣса, или бродящъ по опушкамъ, бросая жадные взоры на поле; пернатые спаями лежатъ съ мѣста на мѣсто. Жаворонки вспорхнули изъ гнѣздъ своихъ; они взвиваются, исчезаютъ въ зыбяхъ воздушныхъ, и попомъ, подобно кам-

ню , падаюшѣ на землю. Я вижу ,
 какѣ одинѣ изѣ нихѣ , любуясь
 своимѣ пареніемѣ , напѣваешѣ свою
 пѣсенку. — Любовь и радость ожив-
 ляюшѣ его полешѣ и прели ; по
 плаваешѣ онѣ въ воздухѣ , преле-
 ща крылушками на одномѣ мѣ-
 стѣ , по укланяется , вьется въ
 кругу , по приближается къ са-
 мой почти головѣ моей , по вдругѣ
 свспремительностію поднимает-
 ся опяшѣ вверхѣ , въ прямомѣ на-
 правленіи надо мною ; и шушѣ , ка-
 кое очарованіе , какая прелесшѣ !
 цѣлыя снаи ихѣ носяшся вокругѣ
 меня , изливаясь въ преляхѣ. Одинѣ
 пересшаешѣ , другой начинаешѣ ,
 или всѣ вмѣспѣ споряшѣ между
 собою въ пріятности пѣнія. Нѣшѣ
 такого юноши , копорому бы не
 нравилась пѣсенка жаворонка ;
 нѣшѣ такой дѣвицы , копорая бы ,
 весною и во цвѣшѣ лѣшѣ своихѣ ,
 не любовалась его прелями. Час-
 то вижу я , какѣ земледѣлѣ , дер-

жась за плугъ, ищещъ глазами жаворонка, который, улаждая пбнiемъ его работу, цблое ушро не осшавлялъ его.

Далѣе засѣвають яровое. Поселяне раздѣшы; балахоны ихъ висятъ на сшаромъ грушевомъ деревѣ; а шамъ лежатъ завязанные большiе мѣшки съ сѣменнымъ хлѣбомъ. Крестьяне, идучи шагъ за шагомъ, бросающъ по обѣимъ сторонамъ сѣмяна полною рукою. Чпо можетъ бытъ величественнѣе картины, когда крестьянинъ засѣваетъ ниву, когда ввѣряетъ ей драгоцѣнныя свои надежды?— Но я чувствовалъ бы эшо еще живѣе, если бы самъ былъ земледѣломъ. вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ уходилъ бы я въ поле, и прошекая оное сѣплугомъ въ рукахъ, искалъ бы глазами жаворонка; взоръ на его паренiе возводилъ бы духъ мой въ небу. — За посѣвомъ, въ непродолжитель-

номъ времени , слѣдуетъ и жаш-
 ва ; сердце селянина претеплетъ
 отъ радости , видя благословеніе
 трудовъ своихъ. Онъ махаетъ ру-
 жами — и спай голубей взлеща-
 ютъ , дѣлаютъ небольшіе круги;
 другъ друга перегоняютъ , и бли-
 ская разноцвѣтными перьями при-
 сіяніи лучей солнечныхъ , пада-
 ютъ спремглавъ на землю. Въ нѣ-
 кошоромъ отдаленіи на нивѣ они
 клевали : шавъ Опецъ небесный
 питаетъ сихъ безземельныхъ жи-
 телей ! — Далѣе пустое , невоз-
 дѣланное поле , покрытое низкою
 травою ; на немъ кое-гдѣ мелка-
 ютъ прошлогодніе колосья. Это
 пашня подъ паръ; она теперь от-
 дыхаетъ , чшобы на будущее лѣ-
 то принесъ обильные плоды. За
 двѣ весны предъ симъ зеленѣлъ
 шувъ посѣвъ. А шамъ цвѣтущая
 долина оканчивается юными це-
 релѣсками. Посмотри, какъ одинъ
 изъ нихъ , отдѣлясь отъ всѣхъ ,

просягивається, и будучи выше другихъ, заграждаєть собою зрѣніе! Онъ едва видѣнь въ тонкой синешѣ неба. Здѣсь, въ недалѣнемъ отъ меня разстояніи, разбросанные кустарники дѣлають пріятнѣйшее разнообразіе. Они еще обнаженны, но скоро весна одѣнетъ ихъ въ зеленые лисья. Въ то время, при уклоненіи лучей солнечныхъ, они будутъ бросать въ поля длинныя тѣни и манишь къ себѣ пѣвцовъ разнородныхъ. Сіи кустарники не рѣдко служатъ убѣжищемъ дикарю, спрашающемуся человѣческихъ обществъ. Днемъ онъ прячется по кустамъ, а ночью выходитъ на открытое поле.—Смотри, какъ легкая серна съ дѣтьми своими выступаетъ изъ перелѣска, и пробираясь по узкой пропинкѣ, направляетъ путь свой въ лѣсъ ближній. Какъ нѣжная мать, она ведетъ ихъ съ невинною ласкою.—Теперь прі-

яшно бытъ въ лѣсу: онѣ одѣлся,
и принимаетъ насъ подѣ зеленые
вѣтви, которыя, безвизкусствен-
но переплетаясь между собою,
образуютъ прекрасныя аллеи.
Тамъ, въ тѣни ихъ, я наслажда-
юсь живительною прохладою; и
хотя бы сердце мое было сильно
распревожено, тамъ вѣрно нахо-
жу спокойствіе. Тутъ сажусь я
на утломъ пнѣ и сквозь густыя
вѣтви смотрю на вершину раз-
вѣсистаго дуба. Тамъ, въ дуплѣ,
воркуетъ дикой голубь, дышущій
одною любовію; тамъ гибкая и
проворная бѣлка перепрыгиваетъ
съ сучка на сучекъ; а тамъ, въ
гнѣздѣ, щебечутъ пернашые ма-
люшки. Высокія деревья и низ-
кіе кусты стоятъ въ натураль-
номъ между собою расположеніи.
Передо мною чистая полянка, а
тамъ, среди лѣса, опчасу стано-
вишся чаще и темнѣе; далѣе, на-
зади, образуется сомкнутая стѣ-

на и проспираешъ по лѣсу величественную мрачность. Я прохаживаюсь, блуждаю; усматриваю опять свѣтъ, выхожу на открытое мѣсто — и лугъ является глазамъ моимъ.

Точно такой и здѣсь по правую сторону. На немъ не пасутся еще спада; нѣтъ еще ни цвѣтовъ, ни травы высокой. Онъ только начинается зеленѣть; но скоро, скоро разкроетъ онъ свои драгоценности. Въ то время увижу я шамъ длинной прилиспвенникъ и кустарники боярышника; въ то время пестрыя спада будутъ разсыпаться по пучнымъ пасбищамъ — и я услышу веселое блѣяніе овецъ при звукѣ свирѣлей. Пріятно видѣть луга, не менѣе пріятно видѣть и спада; но смотрѣвъ на зеленую ниву и веселыхъ пернатыхъ, ее покрывающихъ, есть особенная прелестъ! Въ концѣ луга извивается небольшая рѣчка. Вытекающая изъ родника, она на пу-

ши своимъ встрѣчаетъ попоки ,
и принимая ихъ . въ себя, вмѣстѣ
прошекаетъ. Тихо капясь по пес-
ку и мелькая по камышкамъ , она
наполяетъ собою тысячи полевыхъ
живошныхъ.— Какъ пріятно си-
дѣшь на бережку его и смотрѣшь
на маленькія рыбки , кои , играя
въ водѣ, прячущая подъ дикіе кор-
ни старыхъ ольхъ , его окружаю-
щихъ. Часпо, въ пріятное лѣтнее
время, прохаживаюсь я по берегу сей
рѣчки и съ удовольствіемъ оспа-
навливаюсь на томъ мѣстѣ , гдѣ
она изливается въ большую рѣ-
ку. Тушь стремленіе воды и глу-
хой шумъ оной улаждають мои
чувства.— Бросаю взоръ мой на
противоположной берегъ, спѣсня-
емый древнимъ дубовымъ лѣсомъ.
—Воображеніе предсказываетъ мнѣ
обширныя моря, обѣмлющія зе-
млю на такое пространство , въ
которомъ могла бы вмѣститься
еще вселенная. Какъ желалъ бы я

стоять шамъ, на високомъ берегу, низводитъ взоры на сію необ-
 яшную грозную спихію — и не
 зрѣшь ничего, кромѣ неба и мо-
 ря; но и шумъ природа была бы
 для меня прекрасна и величествен-
 на! Здѣсь глаза мои любовались
 бы или гладкою влажною поверх-
 носію, или свирѣпствующими
 валами, кои поднимаясь громада-
 ми, мгновенно исчезають! — Какъ
 желалъ бы я быть шамъ во вре-
 мя прилива и оплива и видѣть
 то возвышающуюся, то низпа-
 дающую воду! При тихой погодѣ
 и морѣ спокойномъ, если бы мнѣ
 вздумалось сдѣлать небольшое
 путешествованіе на суднѣ, я поплылъ
 бы около берега и замѣчалъ бы
 переменяющіеся его виды: кру-
 шья скалы и ровныя закраины,
 виноградныя горы и цвѣтущіе са-
 ды. Ахъ! я вижу, что и сіи ужас-
 ныя моря наполнены жителями.
 Сколько миллионовъ ихъ скры-

ваетъ глубина морская ! Они по-
всходятъ на поверхность, по опу-
скаются до самого дна. Отъ ма-
лѣйшаго насѣкомаго цѣпь су-
ществъ, въ безчисленныхъ звѣ-
нахъ, непрерывно и посшепенно
идетъ до самого страшнаго мор-
скаго чудовища. Такъ, вездѣ раз-
лила жизнь, и нѣтъ мѣста, гдѣ
бы не было живыхъ обитателей !

Здѣсь, вокругъ себя, я разсма-
триваю прекраснѣйшую смѣсь кра-
сокъ. Какъ вездѣ обильна ими при-
рода ! Поля, покрышыя юною зе-
ленью, синее небо, свѣшлыя обла-
ка, темные лѣса, жемчужныя
капли росы, и здѣсь и тамъ блу-
ждающіе метеоры какую сосшав-
ляющъ очаровательную живопись !
Изъ тьмы ночи Провидѣніе воз-
звало всѣ разнообразныя существа
сіи — существа, кои опяшь по-
грузятся во мракъ. Такъ Богъ
всякое утро снова творитъ міръ
сей. Восходишь утренняя денни-

ца — и земля изъ мрака ко мнѣ
 улыбаешся. Видѣшь восходящее
 солнце , видѣшь , какъ оно первые
 лучи свои бросаетъ на высокія го-
 ры , разливаешь румянецъ по не-
 бесному своду и расписываетъ лег-
 кія облака ; а тамъ , при уклоне-
 ніи дня , смотришь на его захо-
 жденіе , смотришь , какъ оно по-
 злащаетъ еще вершины лѣсовъ ,
 играетъ на холмахъ , и на западѣ
 долго ославляетъ по себѣ яркое
 сіяніе , есть одна изъ величе-
 спвенныхъ картинъ въ приро-
 дѣ. Скажи , Лида ! не прекрасенъ
 ли , не пѣнишленъ ли міръ сей?
 Не есть ли онъ обширнѣйшій , свя-
 щенный садъ , украшенный вся-
 кимъ разнообразіемъ безъ види-
 маго искусства , но со вкусомъ
 неподражаемымъ ? — Плодоносная
 земля какъ много доставляетъ
 намъ полезнаго и драгоценнаго !
 Она представляетъ дары свои
 всѣмъ — отъ Царя до презрѣннаго

насѣкомаго. Брашна ея вездѣ и для всѣхъ предложена обильною рукою; стоишъ только просперешъ руку—и всѣ удовлетворены пошребности. Земля, сообразно климашу, вездѣ богаша своими плодами. На горахъ зрѣюшъ винограды, у подошвы ихъ колеблешся пучная пшеница. Вездѣ видимо благословеніе небесное; вездѣ являешся благоспѣ Божія, всѣхъ милующая и пишающая. Въ неизмѣнномъ порядкѣ слѣдуюшъ времена года, дабы планеша сія доспавляла жизнь всѣмъ созданіямъ. Зима погружаешъ ее въ опдохновеніе, чшобы она пріяла новыя силы,—и весною украшалась цвѣтами, лѣпомъ приносила бы плоды. Безчисленное множешво растѣній живушъ землею и воздухомъ. Возлѣ самой асакари гордишся вкусными плодами высокое дерево, и между куколемъ расшешъ прекрасная, пишашельная

зелень. На знойномъ песку производишь она прохладительные арбузы; цѣлебная сочность ихъ услаждаетъ вкусъ мой. Роскошною рукою она размѣшала цвѣты иные на горахъ, другіе въ лѣсахъ и на лугахъ. Разнообразіе ихъ приводитъ меня въ изумленіе, а скромное ихъ великолѣпіе плѣняетъ взоръ мой, бальзамической запахъ ихъ нѣжитъ мое обоняніе.

Ввечеру ты должна припши сюда, Лида! Въ сіе время пылающее солнце не удушаетъ ихъ, а въ пѣни онѣ дышутъ вольнѣе и пріятнѣе. Тогда, приподнявъ свои головки, они будутъ освѣжать себя въ твоей бесѣдѣ. — Гдѣ находишь цвѣты, тамъ услышишь и пѣсни. Смотри, какъ пѣвчіе вездѣ лешають, и тысячи нѣжныхъ, тихихъ и громкихъ голосовъ составляютъ прекрасной хоръ въ честь природѣ. Изъ нихъ многіе услаждаютъ своею мело-

дією слухъ нашъ. Послушай ихъ
въ поляхъ , въ садахъ и рощахъ :
пріятнѣйшіе тоны ихъ должны
глубоко опозва^тся въ швоемъ
сердцѣ и на^по^лня^ть его удоволь-
ствіемъ. Между цвѣтами най-
дешъ жужжащіе рои пчелъ ; уви-
дишь , какъ весело онѣ прыгають
съ цвѣточка на цвѣтокъ , уви-
дишь насѣкомыхъ , копорыя на-
лаживають голоса свои , а въ
ближнемъ проп^окѣ плещущих-
ся рыбокъ. С^всердечнымъ доволь-
ствіемъ сядешъ ты на травѣ и
откроешь крошк^у душу свою для
всѣхъ впечатлѣній.

О Лида ! какъ прекрасна при-
рода , когда ты со мною.

Здѣсь изъяснено все , что я ,
находясь съ тобою , чувствовалъ ,
мыслилъ , мечталъ.

XLIII.

С к у к а.

Вчера искалъ я себя въ толпѣ людей, душа моей души!— Я думалъ, что ты съ подругою на гуляньѣ; но глаза мои понапрасну искали Лиды. Тупѣ для меня исчезла вся радость, и тяжкая горестъ овладѣла моею душою.— Ошсшавъ ошо всѣхъ, я искалъ тебя. Я предчувствовалъ какую-то горестъ. Наконецъ я нашелъ С*** Я умолялъ, заклиналъ ее именемъ дружбы сказать мнѣ о тебѣ.— С*** сказала, что ты вдругъ занемогла и опасно. Это извѣстіе было для меня ударомъ. Я всю нынѣшнюю ночь не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту; сердце мое безпрестанно трепетало, я мучился своею болѣзнію.— Милая дѣвица! какую глубокую рану ты нанесла мнѣ, какъ я ежеминутно по тебѣ спрадаю! Но сихъ спраданій, Лида, я не промѣнялъ бы

на всѣ радости въ мірѣ.— Одно
твое извѣстіе, одно твое слово
возвратишь мнѣ небесное блажен-
ство.— Умоляю тебя, береги свое
здоровье; ты нѣжной цвѣтокъ,
и не можешь перенести бури. Не
медли, излей боль твою въ мое
сердце и оставь мнѣ спрдашь;
напиши хоть одну строчку, пока
я тебя не увижу. Оживи помную
мою душу: она не знаетъ ника-
кой радости безъ тебя, она не
живетъ безъ любви твоей.— Про-
щай! въ замкѣ ожидаю отъ тебя
извѣстія.

XLIV.

Достоинства сердца.

Ты знаешь—по крайнѣй мѣрѣ
мнѣ такъ пріятно думать—ты
знаешь, Лида! образъ мыслей мо-
ихъ. Имѣя сердце, исполненное люб-
ви къ людямъ, я слишкомъ не-
щасливъ, потому что я не на-

Лид. Лид.

II

ходилъ еще ни одной доброй души, кошорой бы могъ совершенно себя ввѣришь. Ты одна ошаспливила жизнь мою; въ благородной душѣ твоей нашелъ я тѣ возвышенныя чувсшва, кошорыхъ искалъ, и нигдѣ не находилъ.

Пламенная любовь моя къ тебѣ есть дань, кошорою всякъ обязанъ твоей добродѣтели. Суди изъ всѣхъ моихъ поступковъ, изъ всей моей къ тебѣ преданности, заслуживаю ли твоего вниманія. Если кто изъ смертныхъ можетъ любить тебя нѣжнѣе, можетъ болѣе уважать тебя и твои добродѣтели, то испреби меня на всегда изъ твоей памяти; но если даешь мнѣ нѣкоторую цѣну, то не опказывай мнѣ въ любви своей — въ любви, кошорая единсшвенно сосшавляетъ все мое щасшіе.

Ты не знаешь, какъ ты для меня безцѣнна. — Соединишься съ такою душею, какъ твоя, есшъ

благороднѣйшая пошребность чув-
ствительнаго сердца. Будь щасш-
лива ; молю Небо , чшобы оно на-
значило тебѣ такого супруга, ко-
торый бы любилъ тебя шакъ ,
какъ я люблю. — Я удаляюсь въ
пустыню , и шамъ буду оплаки-
вать ошашокъ дней моихъ, буду
желать , искашь смерти , и она ,
можетъ, придетъ ко мнѣ прежде,
нежели ты думаешь.

XLV.

Д о б р а я ж е н а .

Присемъ посылаю къ тебѣ, Ли-
да ! изображеніе семейственнаго
щасшя, — изображеніе доброй же-
ны , какою непременно была бы
Лида, еслибъ она вышла за мужъ.
— Прочтемъ вмѣстѣ письмо до-
браго мужа , имъ самимъ писан-
ное ; вотъ оно :

„ Я лишился жены на сороко-
„ вомъ году ошъ роду (шакъ начи-

«наешь онъ). Обстоятельства мои
 «пробуюшъ, чшобъ я вступилъ
 «въ другой бракъ. Но какъ ошомъ
 «я ни спараюсь; однакожъ не мо-
 «гу найши такой невѣсты, ко-
 «торая хотя бы нѣсколько похо-
 «жа была на первую жену мою.
 «Часто говоряшъ мнѣ: такая-то
 «дѣвица очень умна, читала мно-
 «го лучшихъ книгъ, опличной
 «нѣжности и весьма чувствитель-
 «на. Она говоритъ по Француз-
 «ски, по Итальянски, по Англин-
 «ски, даже знаешъ и языкъ Ла-
 «тинскій; свѣдуща въ музыкѣ,
 «прекрасно поешъ и танцуешъ и,
 «словомъ, прекрасная и самая
 «ловкая дѣвица. Но, къ несчастію,
 «всѣ сіи достоинства ни мало для
 «меня не нужны. Я пробую го-
 «раздо менѣе, и желаю имѣть
 «такую жену, которая была бы
 «справедлива и добродѣтельна,
 «какъ истинная христіанка; имѣ-
 «ла бы доброе сердце, здоровый

« умѣ ; была бы шиха въ домаш-
 « ней жизни , не своенравна и не
 « скучала бы уединенностью ; же-
 « лательна также , чтобы она бы-
 « ла дѣлательна , рачительна къ
 « дѣламъ домашнимъ , опрятна ,
 « умѣла бы хорошо спряпать и
 « разумѣла бы садовое искусство :
 « а такую невѣсту найдешь ли
 « скоро ? »

« Покойная жена моя вставала въ
 « пять часовъ утра , Богу из-
 « вѣстно , что она дѣлала это по
 « собственнѣйшей своей волѣ , а не по
 « моему пребыванію . — Въ шесть
 « часовъ наши домашніе были всѣ
 « по мѣстамъ своимъ ; дѣти наши ,
 « бывъ уже одѣты , принимались
 « всякой за свое упражненіе . А зи-
 « мою въ одно утро люди наши
 « нарядывали болѣе пряжи , чѣмъ
 « въ иной семьѣ въ недѣлю . Зав-
 « тракъ обыкновенно оканчивался
 « у насъ очень скоро , потому что
 « всякой бралъ свою долю особо , и

» скушавъ оную , неупомимо про-
 » должалъ свою работу. Дѣти мои
 » пили кофе только по Воскресень-
 » ямъ. Мы обѣдали всегда въ поло-
 » женное время. За споломъ у насъ
 » были два хорошіе блюда, сообраз-
 » но времени года. Жена моя обыкно-
 » венно ихъ сама гошвила. Во всемъ
 » была опряшность , простоша и
 » пріяшность для вкуса такъ, что я
 » всегда могъ приводить съ собою
 » гостя , котораго она принима-
 » ла, ни мало не заботясь о при-
 » бавкѣ кушанья. Масло , сыръ ,
 » яблоки , груши , сливы свѣжія и
 » соленыя она заготовляла сама
 » въ прокъ. Для дорогаго гостя
 » мы спавили за десертомъ нѣ-
 » сколько блюдечекъ варенья. Жена
 » моя умѣла его гошвить весьма
 » искусно, издерживая на оное очень
 » мало сахару. Оставшееся послѣ
 » гостя варенье она пряшала въ
 » шкатель. Солила и копшила мяса
 » такъ искусно, что я , по чести,

» нигдѣ лучше не бѣдалъ, какъ у
 » себя дома; при томъ же она дѣ-
 » лала прекрасной уксусъ. Опрічь
 » того она, одинъ разъ въ году,
 » составляла горькія капли для сва-
 » ренія желудка. Надобно сказать,
 » что сіи капли были для насъ
 » полезнѣе самыхъ Спаугтовыхъ.
 » Совершенною выгоняла она
 » сама, и никто лучше ее не умѣлъ
 » гнать мясную воду. Во всю жизнь
 » мою съ нею у насъ не опнесено
 » въ Аптеку ни одного гроша, а
 » и того менѣе мы имѣли нужды
 » въ совѣтахъ лѣкаря. И если она
 » хотѣла что нибудь сдѣлать смѣ-
 » нымъ, то обыкновенно назы-
 » вала то правянымъ чаемъ изъ
 » Аптеки. Она имѣла всегда свой
 » правяной чай, и гораздо луч-
 » шій, нежели какой можно най-
 » ти въ Аптекахъ. Она смотрѣла,
 » такъ сказать, за всякимъ по-
 » номъ дровъ, когда ихъ клали на
 » очагъ; а большой огонь разво-

« дила тогда только , когда онъ
 « могъ служишь вмѣстѣ и для мно-
 « гихъ домашнихъ надобностей.
 « Она знала , на сколько спанешъ
 « для ночника рѣпнаго масла; ма-
 « канья свѣчи дѣлала сама , и за
 « разходомъ оныхъ наблюдала тща-
 « тельно.»

« Солодъ , хмѣль были у насъ
 « всегда домашніе , и изъ сего она
 « варила самое вкусное и здоровое
 « пиво. Ключъ отъ погреба она ни-
 « кому не повѣряла. Она знала , на
 « сколько спанешъ бочка пива , и
 « сколько фунтовъ во всякомъ спе-
 « ченомъ хлѣбѣ. Коровье масло и
 « шпекъ она выдавала сама и , не
 « бывъ скупой , присматривала за
 « людьми , чѣобы они ничего не
 « давали на сторону. Она знала
 « всякую курицу , кошорая неслась,
 « и кормила ихъ надлежащимъ об-
 « разомъ , такъ , чѣобы хлѣба вы-
 « ходило на нихъ не много и не
 « мало. Дрова закупала во время ,

„ и зимою заспавляла дѣвонѣ пи-
 „ лишь ихъ въ печеніи двухъ ча-
 „ совъ, и это дѣлала она не споль-
 „ ко изъ бережливости, сколько
 „ для доспавленія движенія, по-
 „ лезнаго для ихъ здоровья. Лѣ-
 „ томъ къ ужину она никогда не
 „ гошвила горячаго, а супы на-
 „ зывала смѣшною выдумкою Фран-
 „ цузовъ; и какъ ужинъ нашъ со-
 „ споялъ изъ холоднаго, то и по-
 „ суда была мыша холодною во-
 „ дою. Такимъ образомъ въ лѣш-
 „ ніе вечера мы не имѣли нужды
 „ разводишь огонь, а въ зимніе
 „ гошвили у насъ кушанье на
 „ ужинъ тогда, какъ печь или ка-
 „ минъ совсѣмъ пропопаялся. »

„ Чшо могло бышь сдѣлано въ
 „ сумерки, шого не дѣлали у насъ
 „ при свѣчахъ; а пошому всякая
 „ работа имѣла свою пору. Бѣлье
 „ пересмашривала она всякую суб-
 „ бошу; почиивала наволочки и
 „ рубашки, и искусно шшопала

Шис. Лид.

Р

„ чулки. Все для дѣтей шила она
 „ сама, не исключая и шлафоро-
 „ ковъ для меня. „

„ У насъ ежегодно выпыкали по
 „ нѣскольку прубокъ холста и
 „ шшукъ тонкаго полошна; еспѣ-
 „ ли же этого недоспапочно бы-
 „ ло на домашніе расходы, то по-
 „ койная жена моя прикупала нѣ-
 „ кошорое количесство холста,
 „ шолько суроваго, и бѣлила сама
 „ съ большимъ искуссствомъ и проч-
 „ носпїю, нежели какъ обыкно-
 „ венно бѣляшѣ бѣлильщики. Пря-
 „ жу пряли у насъ всю одною ру-
 „ кою и изъ одинакой шерспи.
 „ Изъ хорошаго льну сучили ниш-
 „ ки самыя тонкія и прекрасныя.
 „ Садикъ свой засѣвала она въ
 „ надлежащую пору, и сама гошо-
 „ вила для него сѣмяна. Весною
 „ она опдыхала въ немъ опѣ зим-
 „ нихъ прудовъ долговременныхъ,
 „ и во время самаго опдохновенія
 „ вырывала негодную шраву. Пло-

« ды увеселяли глаза наши, хопя
 « для нихъ шло у насъ гораздо
 « менѣе навозу, нежели у сосѣдей
 « нашихъ. Гряды полола заблаго-
 « временно, и пошому эта работа
 « была для нее въ половину легче
 « прошивъ другихъ. Все то, что
 « она ни разводила своими рука-
 « ми, росло съ большимъ успѣ-
 « хомъ. Даже коровы, при хоро-
 « шемъ ея присмотрѣ, давали мо-
 « лока вдвое болѣе, чѣмъ у дру-
 « гихъ, хопя они давали имъ кор-
 « му вдвое болѣе прошивъ нашего.
 « Ни перышко, ни крошка хлѣба
 « не пропадала въ нашемъ хозяй-
 « ствѣ. »

« Ощущеніе добрыхъ свойствъ
 « своихъ разливало ясность въ ду-
 « шѣ ея; и все, что гости куша-
 « ли съ удовольствіемъ, соспавля-
 « ло для нее похвалу самую лест-
 « ную. Сшоловое бѣлье наше было
 « всегда чисто и сдѣлано по луч-
 « шимъ рисункамъ. Все одобреніе

« ошѣ поспороннихѣ относилось
 « единственнѣ къ ней. Трудоло-
 « бивыя, опрятныя и прекрасныя
 « собою дѣти наши привлекали
 « ошѣ всѣхѣ похвалу своей мате-
 « ри; а порядокѣ въ домѣ, исправ-
 « ная услуга и удовольствіе, ко-
 « торое она старалась всякому до-
 « ставить, ни мало пѣмѣ не ошя-
 « гощая себя, дѣлали ее такѣ ве-
 « селою, что она была душою об-
 « щества. Ни одну замужнюю жен-
 « щину такѣ много не ласкали,
 « ни одной женщинѣ такѣ мало
 « не льстили, какѣ женѣ моей.
 « Взоры ея оживляли всѣхѣ насѣ,
 « и я не могу предсказать, какѣ
 « искусно и тонко она умѣла за-
 « нять гостей и обратишь раз-
 « говорѣ на одобреніе того, что
 « она предпринимала сдѣлать....
 « Въ сумерки мы всѣ лупили яб-
 « локи; и впо прежде другихѣ
 « оканчивалъ свой урокѣ, шомѣ по-
 « лучалъ ошѣ нее поцѣлуй. Повѣ-

„рише ли, въ какой все у насъ
 „было дѣяшельности? — Иной
 „держалъ нишки, другой мошаль
 „ихъ; прешій лущилъ горохъ,
 „или какой-либо овощъ; чешвер-
 „шой дѣлалъ фишели на свѣчи;
 „пяшой чишалъ какую-нибудь по-
 „лезную книгу. И я увѣренъ, что
 „и мы, мушчины, спали бы прясшь
 „въ угодность і, если бы поль-
 „ко разумѣли это дѣло. Когда
 „прядешь, говаривала она, то
 „ноги бывають теплы, при томъ
 „же это занятіе весьма полезно
 „отъ ипохондріи. Окончивши ра-
 „боту свою, мы лѣтомъ шли въ
 „садъ, а зимою садились къ ка-
 „мину, пили шамъ по доброму
 „спакану пива и разговаривали
 „о пріятномъ и полезномъ.»

„По кончинѣ ея — о чемъ не
 „могу вспомнить безъ слезъ — я
 „нашелъ изгошовленное приданое
 „для чешырехъ дочерей своихъ.
 „Тутъ я пересмотрѣлъ все наше

« имущество и узналъ, что оно
 « со времени шеснадашилѣшня-
 « го нашего супружества весьма
 « ощутительно увеличилось. —
 « Вошъ что значилъ трудолюбіе,
 « раченіе и порядокъ въ жизни се-
 « мейственной! »

Таковы были свойства сей ду-
 ши благородной! — Позволь, Ли-
 да! приспально посмотришь въ
 глаза тебѣ... Все говоришь мнѣ,
 что и Лида, сдѣлавшись супру-
 гою, будетъ такою же. — Проси!

XLVI.

*Какое щастіе имѣть добрую
 супругу!*

Думая о тебѣ, Лида! я всегда
 думаю, какъ щасливъ побою
 былъ бы супругъ твой! — Такъ,
 первое щастіе на земли имѣшь
 добрую супругу. — Недавно си-
 дѣлъ я въ крестьянской хижинѣ
 и разсмапривалъ тамъ любовь

простыхъ жилищей природы. —
 Ахъ! я думалъ, человѣкъ и все
 дышущее тогда только начина-
 ютъ наслаждаться бытіемъ сво-
 имъ, когда перестаетъ для нихъ
 одиночество. Любовь превраща-
 етъ землю въ небесной рай для
 всѣхъ живыхъ твореній. Самый
 человѣкъ исчезаетъ, пока живетъ
 въ одиночествѣ. Неизбѣжно сча-
 стливъ онъ, когда находитъ дру-
 га въ другомъ полѣ и соспавля-
 етъ съ нею одну душу. Съ восхи-
 щеніемъ сердца представляю себѣ
 блаженство жизни супружеской!
 Оно достойно лиры спихотвор-
 ческой, достойно того, чтобы
 всѣ наши Поэты воспѣвали его
 единодушно. Я съ досадою слу-
 шаю, когда они, съ жаромъ опи-
 сывая два сердца, взаимно пла-
 менныя, наконецъ утомляются въ
 силахъ своихъ, и по законномъ
 соединеніи совершенно умолка-
 ютъ, какъ будто нѣчего болѣе
 сказать объ нихъ.

Мужъ съ женою составляютъ для себя новый, малый міръ — міръ, исполненный чувствъ и наслажденія. Прежде имъ нужны были разсѣянность, общество, богатство, друзья и благодѣтели; а теперь они все себѣ сами, имъ ничего не надобно, кромѣ любви, копорая все одушевляетъ. Всякой изъ нихъ находитъ себя въ другомъ, а другаго въ себѣ. Предпринимаешь ли одинъ какое благородное дѣло? рѣдко ему удается пошому, что силы вдвойнѣ дѣйствуютъ въ его исполненію. Радуетъ ли одинъ? радость его увеличивается шѣмъ болѣе, что онъ радуется съ другимъ и въ другомъ. Печалился ли одинъ? есть другъ, копорый готовъ съ нимъ спраться и мучиться, готовъ утѣшать и подкрѣплять его. Онъ возлѣ него, и довольно! Нѣжное сходство чувствъ и нравовъ владычествуетъ между ими.

Желанія, побужденія, удовольствія—все у нихъ общее; кажутся, одна душа оживляетъ ихъ. Одинъ въ другаго вдыхаетъ свой духъ—во взорахъ ихъ сердца. Имъ не нужно между собою говорить; довольно взглянуть—и всякой понималъ другъ друга. Нѣтъ у нихъ ничего тайнаго. Сердца ихъ совершенно открыты. Съ живѣйшимъ чувствомъ, всякое утро и всякой вечеръ, одинъ у другаго беретъ руку и говоритъ: ты мой, а ты моя! Среди безчисленнаго множества людей ты первый для меня и послѣдній, къ тебѣ одному проспираюся мои обѣщанія! Вкушая чистую радость, они сдѣлали тѣснѣйшій союзъ между собою и—болѣе и болѣе его утврждаютъ. Игры и рѣзвость изчезаютъ для нихъ только съ лѣтами. Любовь же ихъ вѣчно неизмѣняема, вѣчно улаживательна. А когда Небо благословитъ ихъ су-

прудесиво, то нѣжныя забавы
 уступаютъ мѣсто бдительному и
 взаимному ихъ попеченію о дѣ-
 ляхъ. Онѣ теперь для нихъ все.
 Съ умиленіемъ сердца и любовію
 они берутъ ихъ къ себѣ на руки,
 и блаженствуютъ въ тѣсномъ кру-
 гу ихъ семейства. Находя въ нихъ
 соединенное сходство себя самихъ,
 они, по влеченію природы, и на
 дѣшей обращаютъ ту любовь, ка-
 кою пламенѣютъ другъ къ другу.
 Они знаютъ, что дѣти нѣкогда
 должны заступить ихъ мѣсто,
 и что, пріавъ отъ нихъ бышіе,
 онѣ должны, такъ сказать, про-
 длить въ себѣ жизнь своихъ ро-
 дителей—даже и по смерти ихъ.
 Мысль сія оживляетъ всѣ ихъ уси-
 лія образовати сердце дѣшей сво-
 ихъ совершенно по своему соб-
 ственному. Съ одинакимъ чув-
 ствомъ, съ одинакою заботливо-
 стію они наперерывъ пекутся о
 ихъ воспитаніи; съ любезностію

они споряшъ о томъ между собою, и при всякомъ взглядѣ, при всякой улыбкѣ нѣжности радуясь, что они супруги - родители! Съ какимъ услажденіемъ видяшъ они подлѣ себя малюшкѣ, плодъ взаимной ихъ нѣжности; съ какою охотою жертвуютъ имъ всею, что хошя опдаленно опносятся къ ихъ образованію. Мысль, что сей залогъ любви ихъ не существовалъ бы, если бы они не были супругами, наполняетъ небеснымъ упоеніемъ ихъ души, — и всякой разъ, при сей мысли, для нихъ сладостной, они нѣжно склоняютъ голову на грудь другъ друга. Въ такихъ чувстввахъ приближаются они къ сшарости; но и она имѣетъ для нихъ радости! — До сего времени они жили вмѣстѣ, жили другъ для друга; теперь же могли бы жишъ и врозь: но сія разлука была бы для нихъ шѣмъ тягоснѣе, чѣмъ долѣе доброе

согласіе и дружеспвенная нѣж-
 носшь ушверждала союзѣ ихѣ. И
 пошому въ одиночествѣ и крас-
 ный міръ Божій не былѣ бы уже
 для нихѣ такѣ милѣ. Сладкое вос-
 поминаніе о времени прошекшемѣ
 и о томѣ услажденіи, кошорое на-
 ходили они въ невинныхѣ удоволь-
 спвіяхѣ, заспунаетѣ шеперь мѣ-
 спо пламенныхѣ воспорговѣ, уже
 опказанныхѣ имѣ природою. —
 По окончаніи дневныхѣ заняпій
 они благословляюшѣ минушу, за-
 ключившую союзѣ ихѣ, и обсто-
 япельсшва, благопріятсшвовавшіе
 щасшливому его продолженію. Ни-
 чего не спрашатся они, кромѣ шо-
 го, что Богу угодно будетѣ взяшѣ
 къ себѣ одного изѣ нихѣ прежде,
 чѣмѣ другаго. Въ одинѣ день, въ
 одинѣ часѣ желали бы они уснушѣ
 сномѣ смерти — и спашѣ одинѣ во-
 злѣ другаго до шѣхѣ порѣ, пока
 гласѣ Божій воззовешѣ ихѣ къ но-
 вой, вѣчной жизни. Тушѣ воз-

спавъ вмѣстѣ , они , среди тысячъ-
 численныхъ милліоновъ людей ,
 первымъ возрѣніемъ встрѣпили
 бы другъ друга , опяшь обнялись
 бы , опяшь ссѣдинились бы , и прі-
 явъ новое бытіе , жили бы нераз-
 лучно. — Души праведныя ! какъ
 мало перебуєте вы отъ міра сего ;
 а обрѣшаете все , что содѣлыва-
 етъ людей истинно щасливыми
 — обрѣшаете въ обладаніи другъ
 другомъ ! О ! да исполнишь небес-
 ный Царь ваши благія хотѣнія ;
 да преселишь васъ изъ сей жизни
 въ будущую въ нѣжныхъ объяті-
 яхъ другъ друга , и вы въ сле-
 захъ радости пробудитесь для мі-
 ра блаженнѣйшаго ! Таково и мое
 собственное желаніе , Лида ! — Да
 сподобишь Богъ , чтобы и мы нѣ-
 когда тамъ опяшь увиделись ! —
 Проси !

XLVII.

С о с т р а д а н і е.

Вчера навернулись слезы на глазах твоихъ, Лида! когда мы увидѣли злополучное семейство — и не могли помочь ему. Ты отдавала всѣ деньги, какія были съ тобою, отдавалъ и я свои; но это малое облегченіе для несчастныхъ, а не совершенная помощь.

О если бы мы были богаты! сказала ты. — Точно, Лида! твое желаніе было самое благородное: оно проспиралось къ тому, чтобы быть въ состояніи помогать другимъ. Но Опцу чужды не угодно это. Онъ намъ далъ сокровище безцѣннѣйшее сокровище сего міра — сердце, въ которомъ напечатлѣлъ Онъ любовь свою.

Когда прижимаю несчастнаго къ груди своей, когда опираю поцѣлунми горькія слезы его: о Лида. въ то время раздѣляешься

даяніе любви. Примѣры сильно дѣйствующи на сердце человѣческое ; и добрые люди, при соединенныхъ силахъ, сдѣлають можеть бысть мало по малу то, чего богачь въ одинъ разъ не въ силахъ.

Переспанемъ ропшати на Провидѣніе: сокровище, намъ дарованное свыше, есть сокровище истинное и никогда неизсякаемое. Провидѣніе попускаеть бысть злошу въ рукахъ невѣждъ и злодѣевъ; а доброшу сердца даруетъ только своимъ избраннымъ. Упѣшься, Лида : нашего сокровища никшо у насъ не опниметь. Мы имѣемъ его всегда при себѣ и въ себѣ ; людямъ же оставляемъ въ нашихъ дѣлахъ. Сего наслѣдства опекуны промощать не могутъ, ибо опись его будетъ хранишься тамъ—тамъ. Проси, Лида ! ты съ избыткомъ богата!

XLVIII.

Основа щастія.

Чшобѣ бышь щаспливою , Ли-
да! имѣй наименѣе пошребносшей;
ибо чувшвовашь недосшашки и
не удовлешворяшь имѣ сосша-
вляешѣ нещасшіе и бѣдноспѣ.

Природа дала нашему разуму
пошребноспѣ въ просвѣщеніи ;
нашей воли пошребноспѣ въ ис-
шинѣ ;
а шѣлу пошребноспѣ въ удоволь-
спви.

Удовлешвореніе симѣ пошреб-
носпямѣ можемѣ мы обрѣспи въ
самой природѣ , если шолько пре-
будемѣ ей вѣрными :

здравый смыслѣ ,
доброе сердце и
дѣяшельноспѣ — вошѣ что дѣ-
лаешѣ человѣка щаспливымѣ, по-
койнымѣ и довольнымѣ.

Пусшѣ злыелюди все окрешѣ
наспѣ испребляюшѣ и разрушаюшѣ:

это не велика бѣда ! Надѣйся на Творца и на природу, а не на нихъ.

Желай малаго, и то необходи-
маго ; все сіе ищи въ себѣ, чшобъ
у тебя ничего не могли похишить.

Не привыкай ни къ чему, чего
всегда имѣшь не можно ; учись
все терять, дабы тебя никакая
поперя не огорчала.

Будь проста въ мысляхъ, не за-
тѣйлива въ желаніяхъ и невинна
въ поступкахъ. Все необыкно-
венное дѣлаешь несчастнымъ.

Не прилѣпляйся ни къ мнѣні-
ямъ, ни къ предразсудкамъ ; не
предавайся заблужденіямъ и вле-
ченію спрасшей : ибо все сіе бы-
ваетъ для людей гибельно.

Люби всѣхъ ; но ни отъ кого
не ожидай любви взаимной, нико-
го не оскорбляй, и снисходи всѣмъ.
Проси, Лида !

XLIX.

Что ожидаетъ насъ за предѣла-
ми гроба?

Помысли : природа прекрасна ,
между тѣмъ какъ люди злы. И
тошъ , кто здѣсь сдѣлалъ много
добра для злыхъ и добрыхъ, тамъ,
за предѣлами гроба , узришь оше-
чешво , которое конечно будешь
прекраснѣе самой природы. Спа-
немъ въ радости сердца благослов-
ляшь сію опчизну. Мы близки къ
ней , близки такъ , что всякую
минушу должны ожидать возва-
нія шуда. Прости, Лида !

Тамъ уже нѣтъ прощанья. О
Лида ! когда увижу тебя , душа
души моей ! когда дѣши наши бу-
дешь въ нашихъ обьяшяхъ, и ког-
да мы еще болѣе будемъ принад-
лежаешь другъ другу : о ! тогда
желалъ бы я — чего , думаешь ?
чтобъ мы всѣ вмѣстѣ и въ одно
время переселились шуда, въ свою
опчизну !

Щастіе любви семейственной.

Со дней юности, нѣжнѣйшій другъ мой! почиашъ я любовь Божественнымъ пламенемъ, который всему въ природѣ служишъ красою. Она, имѣя начало свое отъ Бога, усыпаетъ цвѣтами нуща нашего спранснвованія. Нѣтъ большаго щаспія въ мірѣ, какъ взаимно пылашъ другъ къ другу и хранишъ между собою вѣрность. Чувства могутъ иногда принимать различные виды, но премѣнишся — никогда. Со всякимъ днемъ онѣ открываютъ въ себѣ источники радости новой и никогда неизсякаемой.

Можетъ ли что въ природѣ быть для тебя прекраснѣе картины семейственнаго согласія, когда супругъ, занимаясь единственно щаспіемъ своей супруги, находитъ всегда въ ней участие въ его но-

выхъ удовольствіяхъ! Чшо можешъ
 сравнишься съ шѣмъ блаженствомъ,
 когда они смопрятъ въ глаза другъ
 другу, и во взорахъ чишають свое
 удовольствіе, свое щасіе!
 Тѣсная хижина доспавляешъ имъ
 такія пріятности, какихъ внѣ
 оной нигдѣ обрѣсти не могутъ.
 Уединеніе, самая пущыня для
 нихъ мила пошому, чшо они все
 себѣ. Сердца ихъ полны чувствъ
 и нѣжности! Но къ сему щасію
 способны души крошкія и обра-
 зованныя. Спранные обычаи на-
 шихъ дѣвицъ могутъ ли доспа-
 вишь намъ такихъ супруговъ? За-
 няшься единспвенно шѣмъ, чшо-
 бы всѣмъ нравишься, какъ мо-
 гутъ они жишь только для су-
 пруга? И можешъ ли разсѣянная
 душа бышь вѣрною своему другу
 — другу, котораго обязана она со-
 дѣлать сколько возможно ща-
 сшливымъ!

Мы живемъ въ такомъ вѣнѣ ,
когда мода и обычаи благопріят-
ствуютъ такой разсѣянности :
могутъ ли испорченныя души
ихъ быть нѣжными матерями и
добрыми хозяйками ? Поклявшись
прошивъ здраваго разсудка, онѣ со-
всѣмъ не думаютъ о томъ ща-
стіи , которое могли бы найсти
въ взаимной вѣрности, и которое
къ нимъ такъ близко.

Горестной опытъ научаетъ
насъ, что лучший мужъ не въ си-
лахъ обратить сердце жены отъ
худыхъ привычекъ и обольсти-
тельныхъ примѣровъ , не въ си-
лахъ поселить въ него чувство ;
что счастье супружества заклю-
чается въ семейственномъ согла-
сіи. Все питаетъ въ немъ гибель-
ную развратность. Привыкнувъ
къ хитрости, онѣ не внемлютъ
внушенію любви нѣжной , и по-
тому опчасу спановятся лукавѣе
и хитрѣе.

Расположеніе къ любви составляетъ потребность только образованнаго сердца ; чувствленность же ее чуждается : это звѣриной инстинктъ ! Человѣкъ способенъ къ возвышеннѣйшимъ чувствамъ, къ чувствамъ уваженія. Красота привлекаетъ любовь , а почтеніе возбуждаетъ въ насъ только умъ и добродѣтели. Такимъ образомъ любовь , при водительствѣ разума , становится возвышеннѣе ; такимъ образомъ она перестаетъ быть слѣпою страстію и дѣлается благороднѣйшимъ влеченіемъ сердца.

Истинная любовь основывается неминуемо на почтеніи ; а гдѣ почтеніе , тамъ и добродѣтель — и на семъ-то чувствѣ лежитъ его основаніе.

Истинное почтеніе не терпитъ низкой лести ; и тогда , кто льститъ , старается , по большей части , обманывать. Такимъ

образомъ истиннаго любовника
легко опличить отъ ложнаго.

Не думай никогда нравиться
одною наружноспію; ты тѣмъ го-
товишь себѣ несчастія : наруж-
ныя прелести исчезающъ , и при-
томъ очень скоро; а съ ними не-
минуемо исчезаетъ и любовь, на
нихъ основанная. — Будь всегда
такъ добра , какъ теперь ; обра-
зуй душу свою къ непорочнымъ ,
возвышеннѣйшимъ чувствовані-
ямъ — и ты будешь щаслива
сполько , сколько того достойна.
Проси !

II.

Л ю б о в ь .

Чувство нѣжности ! даръ
душъ благородныхъ, даръ, ниспо-
сланный къ намъ свыше ! обле-
чись въ покровъ видимости и пред-
стань взорамъ нашимъ во всей
лѣпотѣ своей, напечатлѣй въ серд-

цѣ моемъ свои черпы Ангельскія.
 — Чувство нѣжности! сіяніе любви невинной, отрада и блаженство жизни! ослѣскъ Божій! пы побужденіе изъ всѣхъ побужденій любви чистѣйшее! какое величіе пріемлемъ мы, когда душа наша начинаетъ любить! — Но что такое любовь, и всѣ ли люди умѣютъ любить истинно? Многие изъ насъ рѣзвяшся, цѣлуются, обнимаются, помятся въ нѣжномъ, неперпѣливомъ ожиданіи; шумъ въ сердцѣ нашемъ раждається какая-то пошребность, какой-то тайной недоспашокъ. О люди! познайте, что прямой источникъ любви находится не въ чувствахъ, но въ духѣ. Онъ есть тихой огонь, принадлежность души, и распростираетъ дары свои не на однѣ чувства. Когда привлекаетъ насъ только лице, одна щасливая наружность, то есть ли это влеченіе любви ис-

шинной? — Нѣтъ! это не любовь, а побужденіе звѣриной чувственности... Въ семъ случаѣ человекъ увлекается слѣпою страстію — и любовь со временемъ уступаетъ мѣсто холодности. Чувства наши хопя и имѣють поспешенность; хопя сердце наше, помощію ихъ, чувствуетъ надъ собою силу красоты, подобно какъ цвѣшокъ влечетъ къ себѣ пчелу: однакожъ пресыщеніе скоро, очень скоро наказуетъ насъ за излишество желаній. Человекъ слишкомъ предается тому, что льститъ его чувственности, слишкомъ желаетъ обладать тѣмъ, что ему очень нравится. Правда; но отъ чего это? Отъ нашей самости! Эта первѣйшая пружина нашего сердца заставляетъ насъ припворяться предъ самими собою, заставляетъ насъ обманывать себя самихъ. А не рѣдко бываетъ и то, что изъ тысячи любящихъ

Иис. Лид.

Т.

ся не любитъ искренно ни одинъ, какъ скоро изслѣдуешь, что значить любить истинно. Изъ тысячи человѣкъ едва ли найдется одинъ, который бы заглянулъ въ свое сердце прежде, нежели время и обстоятельство разрушатъ его мечту и ослѣпленіе. Истинный любовникъ чуждъ всякой самости: онъ любитъ себя только въ своемъ другѣ, и только въ немъ себя видитъ. И потому одна чистая, благородная любовь продолжительна; чувствительность же всегда бываетъ непостоянна, прехватчива. Единообразность наслажденія упомляетъ наше сердце; и кто наслаждается много, для того наслажденіе не имѣетъ такой живости. И потому кто хочетъ быть истинно счастливымъ, истинно удовлетворенъ; тотъ долженъ вкушать удовольствія съ разсудкомъ. Услажденія чувствъ безсильны наполнить пустошу

нашего сердца , и мудрый только слегка опивдываетъ ихъ , а глупецъ , съ жадностію хватая ихъ , скоро чувствуетъ къ нимъ опвращеніе , пошому чпо за всякое грубое пресыщеніе природа наказуетъ сластолюбца . Человѣкъ , одушевляемый истинною любовію , наслаждается весьма умѣренно ; щадительно избѣгаетъ пресыщенія , и всегда вкушаетъ новыя услажденія . Ему очень извѣстна тайна удовольствій , и пошому онъ ничего не дозволяетъ себѣ излишняго . Опъ излишества хладѣютъ чувства и слабѣютъ силы , и вмѣсто удовольствія , онъ ощущаетъ тягость , скуку и опвращеніе . Одинъ мудрецъ , зная цѣну умѣренности , часто опказываетъ себѣ въ желаніяхъ Продолжительность составляетъ наше щастіе , а не спремленіе и мгновенность ; ибо сіе губельно для бытія нашего . Добродѣтель

есть приправа любви истинной ;
 порокъ врагъ ея , а властолюбіе
 ея гробъ. — Доброе сердце несрав-
 ненно превосходитъ прелестной
 наружности. Оно даетъ намъ но-
 вое бытіе , новое стремленіе. —
 Дѣвицы ! познайте волшебную
 силу любви и помните , что
 добродѣтель составляетъ алмаз-
 ные ея цѣпи. Совершенствуйте
 себя въ оной всякой день , всякую
 минушу , и тогда мужчина , одинъ
 разъ полюбивъ васъ , на всегда
 вамъ пребудетъ вѣренъ !

 LII.

Соединеніе.

Небу угодно , Лида ! чтобъ мы
 достигли высокой степени люб-
 ви — соединенія ! Мы сочепались.
 Священные узы брака сблизили
 сердца наши ; еще священнѣйшіе
 соединяютъ насъ въ насъ самихъ

— сходство чувствъ, сходство душъ нашихъ.

Поспешенно приготавливъ другъ друга къ вышшему совершенству, мы сдѣлаемъ еще болѣе, милая Лида! мы безпрестанно болѣе и болѣе будемъ познавать свящость любви.

Все, что люди именуютъ любовью, есть недоспащочный, нестройный отзвукъ той небесной гармоніи, которую составляютъ души, почерпающія жизнь единственно въ источникъ любви; а сей источникъ, Лида! есть Богъ! Онъ единъ освящаетъ наши чувствованія и приближаетъ насъ къ Себѣ, если мы любимъ не швореніе, но Его въ швореніи.

Такъ, Лида! я хочу всегда видѣть сего Виновника всякаго блага только въ швоемъ существѣ; хочу благодарить Его за швое благородное сердце—даръ Его; хочу радоваться, видя любовь Его,

сіяющую вѣ помныхъ глазахъ твоихъ. Сей Источникъ гармоніи, начало всякаго чистаго побужденія, всегда будетъ возвышать и направлять души наши согласно съ Собою. А тамъ, какъ они сольются вѣ одну, мы будемъ одно съ Тѣмъ, Лида! Кто вѣчно любишь. Таковъ законъ любви нашей! — и сего блаженства никто у насъ не похищаетъ. Прости! — Если имѣешь подругу, учи ее любить всегда такъ, а не иначе.

LIII.

Надежда олять увидѣться.

Благодарю тебя, Лида! за всю твою дружбу и доброе сердце. Ты, какъ нѣжная сестра, раздѣляла со мною спранспівія здѣшней жизни. Съ сердечною любовію ты брала участіе вѣ моихъ радостяхъ; со всею искренностію твоимъ слезы мѣшались съ моими.

Часпо, рука въ руку, мы смотрѣли на солнце, восходящее надъ нами, смотрѣли — и восхищались его величіемъ. Рука въ руку смотрѣли мы и на заходящее солнце, и также восхищались, въ твердой надеждѣ на Бога и на другое ушро. Небо благословило насъ не многимъ, за то дало намъ доброе сердце; мы, помощію его, могли сообщаться съ другими; могли съ ними чувствовашь, радовашься и печалишья.

О Лида! какой щаспливецъ былъ насъ щаспливѣ: добрыя желанія, дѣятельная воля всегда съ нами; всегда мы имѣемъ слезы, чтобы плакать съ несчастнымъ; живыя чувства, чтобы радовашься со щаспливыми.

Мірѣ, похищивъ у насъ все, сего похитишья не можетъ. Смотри, какъ неизчерпаемъ источникъ чистыхъ радостей.

Для сихъ радостей, Лида! дол-

жна шы воспишашь и дѣшей нашихъ. Онѣ должны бышь разсадникомъ нравспвенности для вертограда высшаго міра.— Трудолюбіе, чистосердечіе и безпритворное челоѡколюбіе да будутъ придаными дочерей швоихъ; дѣшельность, честность и дружелюбіе наслѣдшвомъ швоихъ сыновей!

Въ дѣтихъ своихъ мы передадимъ здѣшнему міру любовь свою. Когда же мы состарѣмся, когда силы наши будутъ въ немощи, когда мы не въ сосшояніи уже будемъ поспѣшашь на помощь спраждущему челоѡчеству: въ то время замѣнятъ насъ дѣши въ дѣлахъ любви Христіанской. Когда же сердца наши исплѣютъ и обратятся въ персь земную, мы и шамъ, за предѣлами гроба, будемъ радовашься, что, для ушѣшенія несчастныхъ, мы оставили свои сердца въ нашихъ дѣ-

сяхъ. Лида ! цѣпь добра непре-
рывна. О ! благословляй опчизну
неба ! —

Духъ нашъ будетъ прелесташъ
изъ спранъ вѣчности и невидимо
носишся надъ нашимъ попом-
ствомъ. Съ какою радостію
вспрѣшимъ ихъ у врагъ вѣч-
ности , чшобы въ спранъ Любви
неизмѣнной соспавишъ съ Нимъ
одно семейство.

К О Н Е Ц Ъ .

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Eckartshausen, Carl <<von>>,

Nravstvennyje pis̆ma k Lidě o ljubvi duš blagorodnych v 2 častjach

Bd.: 2

Moskva (1816)

Ph.pr. 1409 n-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10042535-7